

Костанца Казати

КЛИ ТЕМ НЕС ТРА

Мать. Царица. Убийца.

18+

INSPIRIA

Костанца Казати Клитемнестра

Серия «Novel. Мировые хиты»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69866104
Клитемнестра: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-194698-2*

Аннотация

Встречайте культовый ретеллинг – история жизни и мести Клитемнестры!

Кем была Клитемнестра?

Сестрой Елены Троянской. Неверной женой и убийцей великого царя Агамемнона. Матерью, потерявшей дочь и убитой собственным сыном. Но это не вся ее история.

Спартанскую царевну против воли выдали замуж за человека, которого она ненавидела. После множества утрат и страданий она не верила в славную смерть, ведь после нее остается только история. Только слова, прошептаные чужими устами.

Когда ее муж возвращается с Троянской войны победителем, она встает перед выбором – смириться с судьбой или отомстить. Воительница по природе, она отказывается полагаться на милость богов и вступает в игру возмездия.

«Клитемнестра» – захватывающая история о власти и пророчествах, о ненависти, любви и о царице, которая безжалостно убивала тех, кто причинял ей зло.

Для фанатов «Мифов» Стивена Фрая, ретеллингов Манден Миллер, «Дома волчиц» Элоди Харпер.

Содержание

Список действующих лиц	7
Часть первая	13
1. Добыча	14
2. Одна девочка побеждает, другая – проигрывает	19
3. Царь	44
4. Истории Тантала	54
5. Мудрая сестра	77
Часть вторая	92
6. В глазах богов	92
7. Сыновья Атрея	112
8. Прекраснейшая из женщин	138
9. Огненновласый и многоумный	164
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Костанца Казати

Клитемнестра

Costanza Casati
Clytemnestra

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Costanza Casati, 2023

First published as Clytemnestra in 2023 by Michael Joseph, an imprint of Penguin Books. Penguin Books is part of the Penguin Random House group of companies

Cover illustrations incorporating some imagery © Shutterstock, Cover design by Lee Motley // MJ

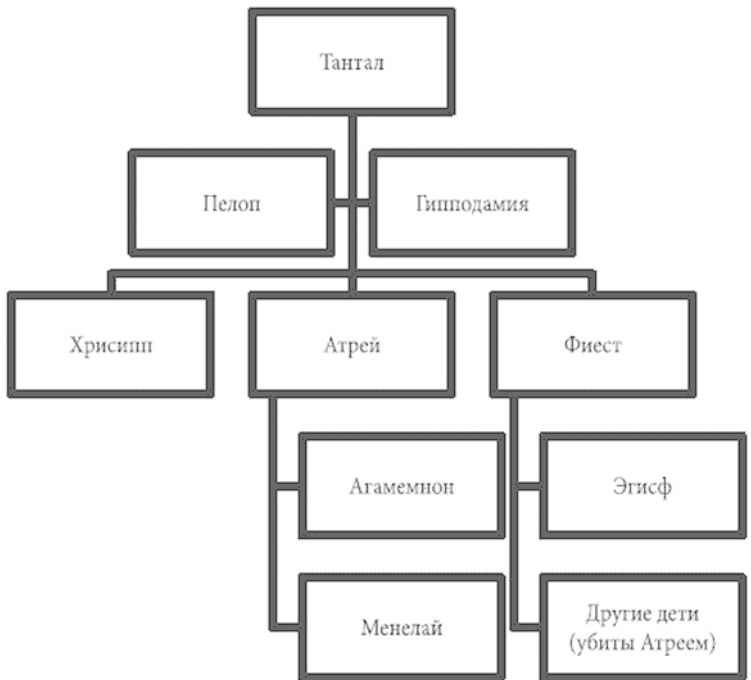
© Казарова Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

* * *

Дом Атрея

Дом Тиндарея

Тиндарей, царь Спарты, сын Горгофоны

Леда, его жена, царица Спарты, дочь этолийского царя Фестия

Дети Леды, **Кастор и Полидевк**, близнецы, известные как Тиндариды, сыновья Тиндарея, или Диоскуры (в римской мифологии)

Клитемнестра, спартанская царица, позже – царица Микен

Елена, спартанская царица, позже царица. Известна как Елена Троянская. Согласно мифу, Елена была дочерью Зевса от Леды, который взял ее силой, обратившись лебедем

Тимандра, младшая сестра Клитемнестры, спартанская царица, позже – царица Аркадии

Феба и Филоноя, младшие сестры Клитемнестры

Икарий, царь Аккарнии, брат Тиндарея, муж Поликасты

Пенелопа, дочь Икария, царица Аккарнии, позже – царица Итаки

Гиппокон, сводный брат Тиндарея и Икария, убит Гераклом

Афарей, еще один сводный брат Тиндарея и Икария

Идас и Линкей, сыновья Афарея, царицы Мессении

Феба и Гилайера, царицы Мессении, известные как Левкипиды (дочери Белой Кобылицы), были обещаны Идасу и Линкею, «похищены» Кастором и Полидевком

Дом Атрея

Атрей, сын Пелопса и Гипподамии, царь Микен. Старший брат Фиеста и сводный брат Хрисиппа. В древнегреческих мифах его род не имеет себе равных в жестокости и коварстве

Дети Атрея:

Агамемнон, царь Микен, «царь всех людей», муж Клитемнестры, предводитель греческой армии в Троянской войне

Менелай, царь Спарты, муж Елены

Фиест – брат Атрея. Стал царем Микен, захватив трон после убийства своего брата. Трое сыновей Фиеста были убиты Атреем. После того, как оракул предсказал Фиесту, что если он заведет сына от собственной дочери, тот убьет Атрея, Фиест изнасиловал свою дочь Пелопию, у которой родился сын Эгисф

Эгисф, убийца своего дяди Атрея, двоюродный брат Агамемнона и Менелая, любовник Клитемнестры

Аэропа, дочь критского царя Катрея, жена Атрея, любовница его брата Фиеста

Другие персонажи

Тесей, греческий герой, похититель Елены, царь Афин

Пирифий, царевич Лапиф, товарищ Тесея

Киниска, девушка из знатного спартанского рода

Хризанта, спартанка, возлюбленная Тимандры

Тантал, царь Меонии, первый муж Клитемнестры

Калхас, оракул греческой армии

Леон, защитник и советник Клитемнестры в Микенах

Эйлин, служанка и доверенное лицо Клитемнестры в Ми-

кенах

Подиламант, **Кадм**, **Ликомед**, микенские старейшины

Эребус, торговец

Кассандра, троянская царевна, жрица Аполлона, дочь

Приама и Гекубы. После Троянской войны стала наложницей царя Агамемнона

Одиссей, сын Лаэрта, наследник и, позже, царь Итаки, муж Пенелопы

Аякс Великий, царевич саламинский, сын Теламона, двоюродный брат героя Ахилла

Тевкр, сводный брат Аякса

Аякс Малый, герой из Локриса

Нестор, царь Пилоса

Филоктет, фессалийский царевич, прославленный лучник

Менестий, царь Афин

Диомед, царь Аргона

Идоменей, критский царевич

Эфенор, герой из Эвбеи

Махаон, сын Асклепия, искусный целитель

Часть первая

Женщине честолюбивой не видать покоя

Женщине в короне не видать любви

Покуда она любит страстно,
она распутна

Покуда власть ее сильна,
она жестока

Коль требует возмездия,
она безумна

Цари умны,
могучи и
богам подобны

Царицы смерть несут,
бесстыдные
и проклятые

1. Добыча

Клитемнестра глядит на дно крутого оврага, но не видит никаких следов мертвых тел. Она высматривает треснувшие черепа, сломанные кости, трупы, обглоданные дикими собаками и поклеванные стервятниками, но там ничего нет. Лишь несколько отважных цветов растут из расселин, их лепестки белеют в темноте оврага. Она гадает, как им удалось вырасти в таком смертоносном месте.

Когда она была маленькой, никаких цветов там не было. Она помнит, как ребенком кралась по лесу и наблюдала, как взрослые тащили преступников и слабых младенцев по тропе и сбрасывали их в ущелье, которое спартанцы называют Апофеты. Камни у подножия скалы острые, как свежешлифованная бронза, и скользкие, как сырая рыба. Втайне Клитемнестра частенько молилась за всех тех, чья смерть будет долгой и мучительной. Молиться за младенцев она не могла, мысль о них тревожила ее чувства. Подойди она ближе к краю обрыва, она могла бы почувствовать, как мягкий ветерок гладит ее лицо. Мать говорила ей, что голосом ветра говорят мертвые младенцы, лежащие на дне. Они что-то шептали, но Клитемнестра не могла разобрать их слов. Поэтому она глянула на солнце, выглядывающее сквозь пушистые ветви, и отпустила свои мысли блуждать свободно.

Над лесом нависает зловещая тишина. Клитемнестра зна-

ет, что ее преследуют. Оставив овраг позади, она торопливо спускается с возвышенности, стараясь не оступиться на скользких камнях, образующих охотничью тропу. Ветер становится холоднее, небо темнеет. Когда она несколько часов тому назад ушла из дворца, солнце только поднималось, согревая кожу, а трава под ногами была влажная от росы. Мать уже сидела в тронном зале, ее лицо сияло в оранжевом свете, и Клитемнестра проскользнула мимо дверей незамеченная.

Вдруг за деревом возникает какое-то движение, слышится шуршание листьев. Клитемнестра запинается и рассекает руку об острый камень. Подняв взгляд и изготавившись защищаться, она видит два больших темных глаза. Всего лишь олень. Она сжимает кулак и сразу же вытирает его о тунику, чтобы кровь не оставила следов для преследователя.

Издалека, с вершин, доносится волчий вой, но Клитемнестра продолжает свой путь. Спартанские мальчишки ее возраста по двое сражаются с волками и пантерами, это составляет часть их обучения. Клитемнестра однажды обрила голову, как делают мальчишки, и пошла с ними в гимнасий, мечтая научиться охоте. Когда мать узнала об этом, она не кормила ее два дня. «А еще мальчиков морят голодом, вынуждая воровать», – сказала она. Клитемнестра стерпела наказание, она знала, что заслужила его.

Ручей бежит к роднику и небольшому водопаду, над которым она видит расщелину, ведущую к чему-то похожему на пещеру. Клитемнестра начинает карабкаться вдоль род-

ника по мшистым валунам. Рука пульсирует и скользит по камням. Лук висит на спине, а кинжал болтается на поясе, стуча по бедру.

Наверху она останавливается, чтобы перевести дух. Отрывает от туники кусок ткани, макает его в чистую родниковую воду и обматывает кровоточащую руку. Дубовые кроны сливаются с темнеющим небом, всё расплывается в ее усталых глазах. Она знает, что заметить ее можно без труда. Отец всегда говорит: «Чем выше заберешься, тем лучше».

Она взбирается на самое большое дерево и, усевшись на ветку, прислушивается, крепко сжимая в руках кинжал. Высоко в небе висит луна, напоминая своими холодными и четкими очертаниями серебряный щит. Вокруг всё безмолвствует, не считая воды в роднике внизу.

Хрустит ветка, и из темноты прямо напротив возникают два золотистых глаза. Клитемнестра не двигается, в висках стучит кровь. На противоположном дереве из тени выскальзывает серебристая фигура, являя на свет плотный меховой покров и заостренные уши. Рысь.

Зверь делает прыжок и приземляется на ее дерево. От толчка Клитемнестра теряет равновесие. Она хватается за ветку, но ее ногти обламываются, а ладони соскальзывают. Она летит вниз и падает в грязь. На секунду слепнет от боли, ловит ртом воздух. Животное пытается спрыгнуть прямо на девочку, но ее руки уже шарят вокруг в поисках лука и стрел. Она стреляет и перекачивается на бок. Рысьи когти

обдирают ей спину, она кричит.

Рысь поднимается и встает спиной к узкой расщелине, ведущей в пещеру. Мгновение девочка и рысь смотрят друг на друга. Затем, молниеносно, как атакующая змея, Клитемнестра вонзает кинжал в плечо зверя. Рысь взвизгивает, а Клитемнестра бросается мимо нее в черноту пещеры. Она с трудом пролезает в расщелину, задевая головой и бедрами камни, ныряет в темноту и ждет, молясь, чтобы в пещере не оказалось других входов и других гостей.

Глаза постепенно привыкают к темноте. Лук и бóльшая часть стрел каким-то образом не пострадали, она откладывает их в сторону. Снимает окровавленную тунику и приклоняется спиной к холодному камню. Ее тяжелое дыхание эхом отдается во влажном воздухе, словно это дышит сама пещера. Видит ли ее сейчас Артемида? Клитемнестре хочется, чтобы видела, хотя отец всегда говорил ей не связываться с богами. А мать верит в то, что лес хранит их секреты. Пещеры для нее – убежища, умы, которые мыслили, которые проживали жизни существ, находивших в них пристанище. Но, может, прав ее отец: в пещере так же пусто, как в храме посреди ночи. Слышны лишь стенания раненой рыси, удаляющиеся всё дальше и дальше.

Когда зверь испускает дух, Клитемнестра подползает к расщелине и выглядывает наружу. На земле не видно никакого движения. Надев тунику и поморщившись от прикосновения к ране, она выходит из пещеры, ее бедра задевают

гладкие камни.

Рысь лежит у родника, кровь течет по оранжевой листве как разлитое вино. Хромая, Клитемнестра подходит ближе и забирает свой кинжал. Глаза животного открыты, в них отражается яркий круг луны. А еще в них – удивление. И печаль. Они не так уж сильно отличаются от глаз мертвого человека. Клитемнестра привязывает лапы животного к колчану и пускается в путь, надеясь вернуться домой к утру.

Мать будет гордиться ее добычей.

2. Одна девочка побеждает, другая – проигрывает

– Клитемнестра, постой! Если я снова приду второй, Артемида меня подстрелит!

Клитемнестра смеется, смех ее разносится над равниной, что птичья песнь.

– Не подстрелит. Мама так сказала, чтобы ты бежала быстрее.

Они носятся меж олив и смоковниц, их волосы ловят листья, а ноги ступают по опавшим плодам. Клитемнестра быстрее. Ее руки покрыты царапинами и синяками, а в глазах горит решимость добраться до реки первой. Елена позади, тяжело дышит и зовет сестру. Всякий раз, когда на ее волосы падает солнечный свет, они вспыхивают так же ярко, как окружающие их спелые фрукты.

Клитемнестра выскакивает из рощи на пропеченную солнцем землю. Земля обжигает ноги, и девочка перескакивает на желтоватую траву. Лишь добежав до реки, она останавливается и всматривается в свое отражение в воде. Она такая грязная, растрепанная.

– Подожди меня! – кричит Елена.

Клитемнестра оборачивается. Сестра остановилась у опушки, по тунике струится пот. Глядит на нее исподлобья.

– И почему ты всё время так торопишься?

Клитемнестра улыбается. В глазах их народа Елена Спартанская, может, и выглядит как богиня, но на деле она во всем подражает сестре.

– Потому что жарко, – отвечает Клитемнестра и, скинув тунику, бросается в реку. Волосы танцуют вокруг нее, словно водоросли. Свежий ветерок ранней зари уступает место летней духоте. У берегов Еврота, меж засушливых равнин и суровых гор с трудом выживает горстка кроваво-красных анемонов. Тянется полоса плодородной земли с оливами и смоковницами: застенчиво, как солнечный луч среди облаков. Елена у берега, стоит по колена в воде. Она всегда входит в реку медленно, набирает воды в горсть и обливает плечи.

– Давай же. – Клитемнестра подплывает к сестре и обхватывает ее за талию.

– Холодно, – стонет Елена, но идет туда, где глубже. Когда Клитемнестра пытается ее отпустить, Елена льнет к ее теплomu телу, прижимается так крепко, как только может.

– Ты не спартанка, – говорит Клитемнестра с улыбкой.

– Не то что ты. Будь ты мужчиной, ты стала бы одним из сильнейших воинов Эллады.

– Я уже одна из самых умных в Спарте, – отвечает Клитемнестра с ухмылкой.

Елена хмурит брови.

– Тебе не следует произносить такие слова. Знаешь же, что мама говорит про *любрис*.

– Гордыня, что предшествует возмездию, – по памяти по-

вторяет Клитемнестра скучающим тоном. – Но вот отец всегда заявляет, что он храбрейший воин в Спарте, и никто его еще не наказал.

– Отец – царь. А мы нет. Нам не следует гневить богов, – настаивает Елена.

Клитемнестра смеется. Сестра шествует по миру так, будто вся жизнь сплошь грязь и мрак, Клитемнестру это всегда забавляет.

– Если ты самая красивая женщина во всех наших и чужих землях, то я вполне могу быть самой умной. Не думаю, что это разозлит богов, они ведь всё равно будут умнее и красивее.

Елена задумывается над ее словами. Клитемнестра плывет к кругу солнечного света, искрящемуся на поверхности реки, сестра следует за ней. Обе переворачиваются на спину и плывут, их лица точно подсолнухи, что всегда следуют за солнцем.

В гимнасий они успевают вовремя, как раз к началу занятий. Солнце палит, они бегут в тени деревьев, окружающих *палестру*. На песке юные ученицы уже приступили к занятиям: полностью обнаженные, они бегают вокруг площадки. Здесь спартиатки, дочери лучших и достойнейших мужей Спарты, тренируются рядом с простолюдинками и будут тренироваться до тех пор, пока не обзаведутся семьями. Их тела умащены олеем, на загорелой коже белеют шрамы.

Клитемнестра ступает во двор, Елена спешит за ней. Песок обжигает ноги, как раскаленное лезвие, а в воздухе сгустился запах пота. Наставник – один из воинов отца – дает им диск, а затем копье, и поправляет их стойку, пока они метают их снова и снова. Солнце поднимается всё выше, а девочки прыгают, бегают, соревнуются, их конечности ноют, во рту у всех саднит от сухого жаркого воздуха.

Но вот, наконец, наступает время танцев. Клитемнестра взглядом находит Елену, та улыбается: танцы – ее любимая часть занятий. Вступают тимпаны, и девочки начинают танец. Босые ноги стучат по песку, ритмично пульсируют в залитом светом воздухе, а волосы танцующих вздымаются, как языки пламени. Клитемнестра танцует с закрытыми глазами, ее мускулистые ноги следуют за ритмом. Елена в точности повторяет движения сестры, только более сдержанно и изящно, словно боится отпустить себя. Шаги ее легкие и точные, руки двигаются подобно крыльям, она как будто готова взлететь, воспарить в небо, подальше от чужих глаз. Но подняться она не может и поэтому упорно продолжает танцевать.

Клитемнестра танцует для себя. Елена танцует для других.

Вода в купальне приятно холодит кожу. Этой небольшой комнаткой в углу двора дозволяется пользоваться только Елене, Клитемнестре и дочерям спартиатов. Большинство других атлетов, простолюдинок и девочек, не могущих по-

хвастаться спартанским происхождением, смывают пот в реке.

Клитемнестра прислоняет голову к каменной стене и наблюдает, как Елена поднимается из купальни, ее золотистые волосы прилипли к плечам. Им уже по шестнадцать, их тела меняются, становятся более упругими. Изменения страшат Клитемнестру, она не говорит об этом, но помнит, что в их возрасте мать уже вышла замуж за отца и оставила свою землю.

Леда прибыла в Спарту из Этолии, бесплодной горной местности на севере Эллады, известной дикими зверями, а также духами природы. Как и все этолийские царевны до нее, Леда была охотницей: она ловко управлялась с топором и луком и поклонялась горной богине ¹ Рея. Царь Тиндарей полюбил Леду за ее неистовость и женился на ней, невзирая на то, что данайцы считали этолийцев дикарями и поговаривали, что те едят сырое мясо, точно животные. Когда Леда, сильная женщина с иссиня-черными волосами и оливковой кожей, родила Елену, светлокую девочку с волосами цвета меда, все в Спарте сочли, что ее любовником был сам Зевс. Бог был известен своей слабостью к молодым красивым девушкам и любил принимать разные обличья, чтобы соблазнить их. Обратившись быком, он похитил финикийскую царевну Европу, пролился золотым дождем, чтобы овладеть

¹ У автора Рея – горная богиня, но в большинстве источников Рею причисляют к титанидам. (Прим. ред.)

прекрасной Данаей, принял вид грозовой тучи, чтобы взять жрицу Ио.

Так же он поступил и с Ледой. Приняв облик лебеда, Зевс нашел ее сидящей в одиночестве на берегу Еврота, ее черные волосы сияли, что вороны перья, а глаза были потерянные и печальные. Лебедь прилетел к ней в руки, и пока она гладила его крылья, взял ее силой. Слухи обрастали подробностями, спартанцы обсуждали, как Леда вырывалась, когда он схватил ее, как он ранил ее своим клювом и прижимал крыльями, чтобы она не двигалась. Иные говорили другое: дескать, их соитие было столь приятным, что она вся покраснелась и едва дышала.

Клитемнестра слышала, как однажды в гимнасии какой-то мальчик сказал: «Ну конечно, ей понравилось. Царица совсем другая... Ее народ больше похож на варваров». Она ударила его по лицу камнем, а матери ничего не сказала. Все эти слухи распускали из зависти: Леда была красива, и спартанцы относились к ней с недоверием. Но сплетни сложно не замечать, и со временем даже царь поверил, что Елена не его дочь. Подрастая, она полюбила музыку и танцы, а при виде раненого воина начинала плакать, и Тиндарей не видел в ней ничего своего.

Но Клитемнестра знает, что Елена ее сестра. Пусть даже ребенком Елена была хрупкой и нежной, характер у нее такой же сильный, как у самой Клитемнестры. Когда они были маленькими, Елена вставала рядом и сравнивала каждый

крошечный участок их тел и очень радовалась, обнаружив какое-нибудь сходство. В конце концов, как говорила Елена, ресницы их были густыми, пальцы изящными, а шеи длинными. А когда Клитемнестра отвечала, что ее волосы темнее и цветом больше напоминают грязь, Елена лишь усмехалась.

– Скоро придут мальчишки.

Клитемнестра поднимает глаза. Другие девочки уже ушли, а Елена глядит на нее, склонив голову, точно любопытная лань. Клитемнестра хочет спросить, страшит ли сестру будущее, но слова не идут, поэтому она просто встает.

– Тогда пойдем.

Мужчин в трапезной сегодня нет. Зал полнится женским смехом и запахом жареного мяса. Когда Клитемнестра и Елена входят, мать их уже сидит во главе стола и разговаривает с несколькими слугами, а Тимандра, Феба и Филоноя, младшие сестры Клитемнестры, накладывают в свои тарелки лепешки и оливки. Они жуют и улыбаются, их руки и щеки блестят от жира. Елена и Клитемнестра занимают два свободных места по правую и левую руку матери.

Высокие окна просторного пустого зала выходят на равнину. Внутри вдоль стен развешано старое оружие, а по центру стоит потертый и исцарапанный длинный стол темного дерева, за которым мужчины и женщины обычно едят вместе.

– Проследите, чтобы никто не воровал из зерновых запа-

сов, – говорит Леда слугам. – И оставьте вина для царя, подайте ему, когда он вернется. – Она отпускает их взмахом руки, и слуги выскальзывают из зала, бесшумные, точно рыбы в воде.

Феба вытирает руки о свою коричневую тунику и обращается к матери:

– Когда же всё-таки вернется отец? – Они с Филоменой еще маленькие, от матери им достались темно-зеленые глаза и оливковая кожа.

– Ваши отец и братья вернутся с игр сегодня, – отвечает Леда, отправляя в рот кусочек сыра. Дядя Клитемнестры устраивает в Акарнании состязания, и молодые мужи со всей Эллады съехались туда, чтобы поучаствовать.

– Там будет так же скучно, как на собрании старейшин, – сказал Кастор Клитемнестре перед отъездом. – Здесь куда веселее. Будешь охотиться и помогать матери управлять дворцом. – Он коснулся губами ее лба, и Клитемнестра улыбнулась в ответ на его ложь. Брат знал, как сильно она хотела поехать с ними.

– Как вы думаете, Кастор и Полидевк победили в чем-нибудь? – спрашивает Филоноя.

– Конечно, – говорит Тимандра, впиваясь зубами в сочный кусок свинины. Ей тринадцать, своими жесткими, невзрачными чертами она сильно напоминает отца. – Полидевк сильнее любого спартанца, а Кастор бежит быстрее богов.

Филоноя улыбается, а Феба, зевая, кидает кусок мяса собакам под стол.

– Мама, расскажешь нам историю? – просит она. – Отец всегда рассказывает одни и те же.

Леда улыбается.

– Клитемнестра расскажет вам историю.

– Хотите послушать про тот случай, когда мы с Кастором убили волка? – спрашивает Клитемнестра.

– Да, да! – хлопает в ладоши Феба.

И Клитемнестра рассказывает свои истории, а сестры слушают. Кровь и смерть их не пугают, потому что они еще юны, живут в мире мифов и богов и не понимают разницы между тем, что реально, а что нет.

Небо за окнами вспыхивает оранжевым. В деревне кто-то поет, воздух напитан жаром и сладостью.

– Тимандра совсем как ты, – говорит Елена, готовясь ко сну. Их комната находится в самой дальней части *гинецея*, стены здесь украшены простыми узорами: красные цветы, голубые птицы и золотые рыбы. В комнате стоят два деревянных стула, на которые девушки аккуратно складывают одежду, есть кувшин с водой и кровать из египетского эбенового дерева – ее Тесей подарил Елене, когда той было четырнадцать.

Клитемнестра набирает в горсть воды, чтобы умыться.

– Тебе не кажется, что Тимандра похожа на тебя? – повто-

ряет Елена.

– М-м, пожалуй.

– Она своенравная.

Клитемнестра, смеясь, вытирает лоб.

– Хочешь сказать, я своенравная?

Елена склоняет голову набок и хмурится: «Это не то, что я имела в виду».

– Я знаю.

Клитемнестра ложится в постель рядом с сестрой и смотрит в потолок. Время от времени ей нравится представлять, что там нарисованы звезды.

– Ты устала? – спрашивает она.

– Нет, – шепчет Елена. Она нерешительно набирает в грудь воздуха. – Завтра вернется отец и расскажет вам с Тимандрой о состязаниях. Он очень любит тебя.

Клитемнестра молчит. Трогает шрам на спине, ощупывает его неровные края.

– Наверное, это потому что я ни разу в жизни не убила ни одного существа, – говорит Елена.

– Не поэтому, – говорит Клитемнестра. – Ты же знаешь, это всё потому, что он считает, что у Леды был другой мужчина.

– А он был?

Сколько раз они уже вели этот разговор? Клитемнестра вздыхает, готовясь сказать Елене то же, что и всегда: «Это не имеет значения. Ты дочь Леды и моя сестра. Давай теперь

немного отдохнем».

Сколько бы раз она это ни повторяла, Елена всегда принимает ее слова как впервые. Она одаривает Клитемнестру милостливой улыбкой и закрывает глаза, ее тело расслабляется. Клитемнестра дожидается, пока дыхание сестры выровняется, и поворачивается к ней. Она смотрит на ее безупречную кожу, гладкую, как готовая к росписи амфора, и спрашивает себя: *Когда мы начали лгать друг другу?*

На следующее утро наступает день состязаний. Слуги разглаживают и утаптывают песок в гимнасии, а затем расставляют в тени деревьев стулья с высокими спинками. Спартиаты собираются в углу: кто-то суетится, ковыряет руками песок, другие стоят тихо, ощупывая свои старые ушибы. Клитемнестра разминает руки, пока Елена собирает ей волосы на затылке, чтобы пряди не падали на лицо. Пальцы сестры действуют очень бережно.

Дворец на вершине холма купается в раскаленных лучах солнца, в отличие от реки и гор, спрятавшихся в прохладной тени. Палестра частично скрыта от глаз валунами и высокой травой. Весной и осенью девочки часто приходят сюда на уроки поэзии и музыки, но сейчас слишком жарко, солнце стоит высоко над головой, а горячий воздух липнет к коже, будто влажный песок.

На пыльной дорожке, ведущей из дворца, появляется небольшая группа мужчин. Слуги, пригнувшись, прячутся

за деревья, и спартиаты замолкают. Клитемнестра наблюдает, как бойцы занимают свои места по периметру площадки, пока ее отец усаживается на стул. Тиндарей невысок, но сложен крепко, ноги его распирают мускулы. Его взгляд, ясный и острый, как у орла, блуждает по девочкам. Затем он откашливается и произносит: «Вы живете, чтобы прославить Спарту и своего царя. Вы сражаетесь, чтобы родить сильных, здоровых детей и управлять своими домами. Вы сражаетесь, чтобы доказать вашу преданность этому городу. Вы сражаетесь, чтобы стать его частью. Выживание, отвага и сила – вот ваш долг».

– Выживание, отвага и сила – вот наш долг, – в унисон вторят девочки.

– Кто начнет? – спрашивает Тиндарей. Он бросает быстрый взгляд в сторону Клитемнестры, она глядит на него в ответ, но голоса не подает. Глупо будет сразу же вызывать других участниц, – этому ее научил брат. Она соревнуется с ними в борьбе уже не первый год, и всё же всегда остается то, что она еще может о них узнать, например новые движения, которых они не показывали раньше. Сначала нужно понаблюдать.

Эвполия делает шаг вперед. В соперницы она вызывает худенькую девушку, Клитемнестра не помнит ее имени, и состязание начинается.

Эвполия медлительна, но жестока. Она кричит и пытается схватить соперницу за волосы. Та выглядит напуганной

и медленно пятится по периметру, как бродячая кошка. Когда Эвполия в очередной раз целится ей в голову, девушка не успевает отпрыгнуть достаточно далеко, и кулак Эвполии угодает ей прямо в челюсть. Девушка падает и уже не встает. Состязание окончено.

Тиндарей выглядит разочарованным. Он не часто приходит посмотреть, как они борются, но когда приходит, ожидает хорошего боя.

– Кто-нибудь еще, – говорит он.

Выходит Киниска, дочь военного товарища Тиндарея, высокая девушка с крючковатым носом и мускулистыми ногами. Другие девочки тут же расступаются, как перепуганные собаки. Клитемнестра помнит, как когда-то давно на рыночной площади Киниска пыталась украсть у нее игрушку – расписную глиняную фигурку воина.

– Кто будет с тобой сражаться, Киниска? – спрашивает Тиндарей.

От ее взгляда у Клитемнестры кровь стынет в жилах. Не успевает она вызваться, как Киниска отвечает: «Елена».

Девочки охают. Никто и никогда не вызывал Елену, потому что все знают: состязание с ней будет слишком легким, и в этом не будет никакой чести. Они боятся, что Тиндарей вступится за свою дочь, но Тиндарей не вступает ни за кого. Все глядят на него в ожидании ответа. Он кивает.

– Нет, – говорит Клитемнестра и берет сестру за руку.

Тиндарей хмурится.

– Она может бороться как любая другая спартанка.

– Я буду бороться, – отвечает Клитемнестра.

Елена отталкивает сестру в сторону.

– Ты меня позоришь.

Она обращается к Киниске:

– Я буду с тобой бороться.

Трясущимися руками Елена убирает волосы в хвост. Клитемнестра так сильно прикусывает щеку изнутри, что во рту появляется вкус крови. Она не знает, что делать.

Елена выходит в центр площадки, за ней следует Киниска. На мгновение всё замирает, поблескивает песок, дует мягкий теплый ветер. Затем Киниска бросается в атаку. Елена отпрыгивает в сторону, быстро и грациозно, подобно оленю. Киниска отступает, двигается медленно, раздумывает. Клитемнестра знает: самый опасный соперник – тот, который думает. Киниска готовится атаковать снова, и когда она бросается вперед, Елена уклоняется не в ту сторону и получает удар прямо в шею. Она валится на бок, но успевает схватить Киниску за ногу и утягивает ее за собой. Кулаки Киниски снова и снова летят Елене в лицо.

Клитемнестре хочется закрыть глаза, но ее воспитывали иначе. Поэтому она смотрит, воображая, что сделает с Киниской после, в лесу или у реки. Она уложит ее на лопатки и отделает так, чтобы та поняла: некоторых людей трогать нельзя.

Киниска останавливается, и Елена отползает прочь: лицо

распухло, руки в крови. «Убирайся, убирайся отсюда», – хочет крикнуть ей Клитемнестра, но у оленей не бывает крыльев, а Елена с трудом может стоять на ногах. Киниска не дает ей времени собраться. Она снова обрушивает на нее удары и пинки, а когда Елена пытается ее оттолкнуть, Киниска напрыгивает на нее и выворачивает ей руку.

Клитемнестра поворачивается к Тиндарею. Он наблюдает за состязанием, но его лицо совершенно непроницаемо. Она уверена, что отец не вмешается.

Елена кричит, а Клитемнестра уже бежит на середину площадки. Киниска оборачивается и открывает рот от удивления, но уже поздно. Клитемнестра хватается за волосы и со всех сил отшвыривает в сторону, в грязь. Киниска поднимает голову, но Клитемнестра упирается коленом ей в поясницу, потому что там этой девице и место – в грязи. Она берет ее голову в замок и тянет, ни на секунду не забывая о том, что совсем рядом с ними на окровавленном песке лежит чуть живая Елена. Клитемнестра думает, что этим всё и кончится, но Киниска хватается за ногу и круто выворачивает лодыжку. Клитемнестра отвлекается, и Киниска использует эту секунду, чтобы вздохнуть. Глаза у нее налиты кровью.

– Это не твой бой, – хрипло говорит Киниска.

Ошибаешься. Нога болит, но ей всё равно. Киниска бросается на Клитемнестру, та уворачивается и отправляет соперницу на землю. Встает Киниске на спину, чтобы та больше не поднялась. Почувствовав, что тело соперницы наконец

обмякло, Клитемнестра, ковыляя, отходит. Елена едва дышит, и Клитемнестра поднимает ее с песка. Сестра обхватывает Клитемнестру руками, и та уводит ее с площадки. Злой взгляд отца преследует их, точно пес.

Лодыжка у Клитемнестры опухает. Кожа становится пурпурной, нога немеет. Ею занимается служанка, маленькие руки двигаются шустро, но бережно, взгляд устремлен в пол. Таких, как она, зовут илотами, – это бывшие земледельцы, которые стали рабами после того, как спартанцы захватили их земли. Во дворце они повсюду: в свете факелов их лица пусты и печальны, спины сгорблены.

Клитемнестра откидывает голову к стене, внутри нее змеится ярость. Временами ее гнев настолько осязаем, что она жалеет, что не может вырезать его ножом. Она злится на Киниску за то, что та посмела тронуть ее сестру; на отца за то, что допустил, чтобы Елену избили; на мать, которая не вмешивается, даже когда безразличие царя выходит боком ее дочери.

– Готово, – говорит служанка, окидывая взглядом лодыжку Клитемнестры. – Теперь вам надо отдохнуть.

Клитемнестра тут же вскакивает. Ей нужно проведать Елену.

– Вам нельзя ходить, – хмурясь, говорит служанка.

– Принеси мне бабушкину трость, – приказывает Клитемнестра. Служанка кивает и спешит в сторону покоев царя,

где Тиндарей хранит все семейные вещи. Когда она возвращается, в руках у нее красивая деревянная трость.

Клитемнестра никогда не видела своего деда Эбала, знает лишь, что тот был зятем героя Персея. Ее бабушка Горгофона, напротив, прочно запечатлелась в ее памяти. Высокая, сильная женщина, она дважды выходила замуж, что было неслыханно в ее землях. Когда первый муж Горгофоны, царь Мессении, имени которого Клитемнестра не запомнила, умер, она вышла за Эбала, невзирая на то, что была старше его. Горгофона пережила его, и Клитемнестра помнит, как бабушка на смертном одре, завернутая в овечьи шкуры, сказала ей и Елене, что их семья – это династия цариц.

– Вас, девочки, будут помнить дольше, чем ваших братьев, – произнесла Горгофона низким голосом, лицо ее покрывала сетка морщин, плотная, как паутина, – так было и у меня с моими дорогими братьями. Алкей, Местор, Гелей... добрые мужи, отважные мужи, но кто-нибудь помнит их? Никто не помнит.

– Ты в этом уверена? – спросила Елена. Ей было всего двенадцать, но уже тогда у нее было по-женски серьезное лицо.

Горгофона устремила на внучек взгляд, затуманенный, но пристальный.

– Вы неукротимые, преданные, но в вас есть и осмотрительность. Я долго жила среди царей и героев, и все они так или иначе превращались в гордецов. А стоит мужчине возгордиться, как он сразу теряет бдительность, и рано или

поздно предатели его одолевают. – Она говорила неразборчиво, но слова ее были мудры и понятны. Клитемнестра чувствовала, что должна их выслушать. – Целеустремленность, храбрость, подозрительность. Скоро вы станете царицами, и если хотите пережить мужей, которые вздумают от вас избавиться, вы должны быть упорными, храбрыми и подозрительными.

Горгофона умерла через три часа, а Клитемнестра всё продолжала повторять про себя ее слова, упиваясь ими, как каплями меда, оставшимися на губах.

Теперь ее лодыжка пульсирует. Опираясь на бабушкину трость, Клитемнестра идет по залам и коридорам. Горящие факелы отбрасывают на стены тени, похожие на черные фигуры с амфор. Стиснув зубы от боли в ноге, она доходит до гинецея. Окна там небольшие, а стены расписаны яркими узорами. Клитемнестра подходит к купальням, где должна отдыхать Елена, и останавливается у дверей. Изнутри доносятся голоса, громкие и отчетливые.

– Я не стану ничего тебе рассказывать, – говорит Елена. – Это нечестно.

– Нечестно, что она вызвала тебя. Ты знаешь, что теперь будет. Если одна может тебя вызвать, вызовут и другие. – Это Полидевк. Голос ее брата резок, как лезвие топора. Елена молчит. Слышится плеск воды и нервные шаги Полидевка, туда-сюда, туда-сюда.

– Елена, расскажи мне. Или я спрошу Клитемнестру.

– Нет нужды, – говорит Клитемнестра, входя в купальню.

Елена лежит в расписной глиняной ванне: к ранам на руках приложены целебные травы, разбитое лицо покрыто синяками. Губы распухли, один глаз заплыл так, что голубая радужка похожа на проблеск ясного неба среди грозowych туч. Полидевк оборачивается. Он такой же худой, как Клитемнестра, но выше ростом, и кожа у него медового цвета. Ему двадцать, скоро он закончит тренироваться и отправится воевать.

– Елену вызвала Киниска, – говорит Клитемнестра. Полидевк меняется в лице и порывается уйти. Она хватает его за руку. – Но ты не будешь ничего делать. Я уже разобралась с этим.

Полидевк смотрит на ее ногу. В глазах его мелькает хорошо знакомый огонек: ее брат, точно искра, готов вспыхнуть в любую секунду.

– Не нужно было, – говорит он, стряхивая ее руку. – Теперь отец будет злиться.

– На меня, не на тебя, – говорит Клитемнестра. Она знает, как сильно брат не любит разочаровывать Тиндарея.

– Она защищала меня, – говорит Елена. – Киниска меня чуть не убила.

Полидевк стискивает кулаки. Елена его любимица, всегда ею была.

– У Клитемнестры не было выбора. – Она говорит медленно, преодолевая боль. Полидевк кивает, открывает рот,

чтобы что-то сказать, но вместо этого разворачивается и уходит, легко ступая по каменному полу. Елена закрывает глаза и откидывает голову на край ванны.

– Теперь я опозорена, – говорит она. Клитемнестра не может понять, плачет она или нет. В комнате царит полумрак, а в воздухе витает запах крови.

– Зато ты жива, – говорит Клитемнестра. Ни Тиндарей, ни любой другой спартанец не согласится с тем, что жизнь с позором лучше славной смерти, но Клитемнестре всё равно. Она бы предпочла остаться в живых. Снискать славу можно и позже.

Она находит отца в *мегароне*, он разговаривает с Кастором и Ледой. Просторный зал красиво залит светом. Клитемнестра ковыляет к трону вдоль расписанной фресками стены. Рядом с ней бегут, охотятся и сражаются нарисованные фигуры, яркие, как утреннее солнце: перепуганный кабан, бешеные псы, герои с копьями и длинными развевающимися волосами, напоминающими океанские волны. Стаи гусей и лебедей летят над блестящими равнинами, а внизу скачут лошади.

Тиндарей сидит на своем троне у очага и держит в руках чашу, полную вина. Леда занимает место рядом с ним на стуле поменьше, укрытом шкурами ягнят. Кастор стоит, облокотившись на колонну в своей привычной расслабленной манере. Заметив Клитемнестру, он улыбается.

– Вечно ты находишь беды на свою голову, сестра, – говорит он. Его лицо уже заострилось, приобрело мужественные черты, как у Полидевка.

– Киниска скоро поправится, – говорит Тиндарей.

– Я рада, – отвечает Клитемнестра. Она представляет задорное выражение на лице брата, стоящего за ней: ничто не радует его сильнее, чем наблюдать за тем, как кому-то устраивают выволочку.

– Нам повезло, что она девочка, – продолжает Тиндарей. Клитемнестре это хорошо известно. Царские дети могут жечь дома, насиловать, воровать и убивать сколько пожелают. Но им запрещено причинять вред сыну другого знатного человека.

– Киниска оскорбила твою дочь, – говорит Клитемнестра.

Тиндарей раздраженно хмурится: «Это ты оскорбила Киниску. Ты лишила ее права на честный бой».

– Ты знаешь правила, – подхватывает Леда. – Когда девочки борются, одна побеждает, а другая проигрывает.

Клитемнестра знает это, но не в каждом состязании всё получается так просто. Леда научила их тому, что всегда есть победитель и проигравший и ничто не может этого изменить. Но что, если проигравший – твой близкий человек, и ты вынужден наблюдать его падение? Что, если он не заслужил быть избитым, стертым в пыль? Когда девочкой Клитемнестра задавала эти вопросы, Леда всегда качала головой. «Ты не бог, – отвечала она, – а вмешиваться в такие дела дозво-

лено лишь богам».

– Киниска убила бы Елену. – Клитемнестра повторяет слова сестры, хоть и знает, что это неправда. Но Киниска бы ее покалечила.

– Я знаю Киниску, – вмешивается Кастор. – Девчонка безжалостна. Однажды она до смерти забила илота.

– Откуда же ты ее знаешь? – поддевает его Леда, но Кастор и бровью не ведет. Его пристрастия и так всем известны. Вот уже несколько лет как Клитемнестра начала слышать стоны и перешептывания из-за закрытых дверей. В постелях ее братьев уже побывали и служанки, и дочери знатных мужей, и так будет продолжаться, пока Кастор и Полидевк не решат жениться. Бродя по дворцу, Клитемнестра наблюдает, как служанки разливают вино, нарезают мясо, скребут полы, и гадает, кто из них уже был с Кастором. Большинство, пожалуй. Найти тех, кто бывал с Полидевком, легко: те, что похожи на Елену – светловолосые, светлокожие, с глазами цвета весеннего ручья. Таких немного.

– Отец, – говорит Клитемнестра, – я поступила так, как поступают на войне. Если рядом умирает товарищ, ему приходят на помощь и бьются.

Тиндарей стискивает чашу.

– Да что ты знаешь о войне? – Его слова повисают в воздухе. – Что ты вообще знаешь?

– Наконец-то Киниска получила то, чего заслуживала, –

радостно говорит Кастор, когда они выходят из мегарона. Он несет сестру на плечах, и та наблюдает, как подпрыгивают на ходу его волосы. Клитемнестра помнит, как они проделывали это детьми: она на спине у Кастора, Елена – у Полидевка. Ввалив на себя сестер, мальчишки бегали наперегонки, падали и хохотали, пока от смеха не начинали болеть щеки.

– Я хотела ее убить, – говорит Клитемнестра.

Кастор смеется.

– Что ж, ты всегда была вспыльчивой. И всегда заботилась о других больше, чем о себе.

– Это неправда.

– Знаешь, что правда. Не о всех, конечно. Только о семье.

Они доходят до конюшен в нижней части дворца, земля там ровнее и не такая каменистая. Несколько молодых мужей упражняются, другие кормят лошадей.

– Давай прокатимся, – говорит Кастор.

Вдвоем они садятся на крепкого жеребца, названного в честь Ареса, бога войны, и устремляются к равнине в сторону Еврота. Они проезжают мимо смоковниц, мимо иссушенной земли, усыпанной желтыми и красными цветами. Из-под копыт Ареса вздымаются облачка пыли и песка, пока наконец не появляются водяные брызги – они достигают реки. Кастор гонит коня, присвистывая и смеясь; Клитемнестра жметя к нему, лодыжка ноет, солнце согревает лицо. Когда они останавливаются, Кастор помогает ей спешиться, и они усаживаются на берегу. Повсюду растут цветы и трава, но

можно найти и трупы – гниющие и зловонные.

– Ты ведь понимаешь, что отец прав, – говорит Кастор, ложась на спину. – Киниска имела полное право состязаться с Еленой.

– Не имела. Елена не такая, как другие.

– Мы все по-своему не такие.

Она смотрит ему в глаза: «Ты знаешь, что я имею в виду».

Кастор ухмыляется.

– Тебе не следует так уж ее защищать. Ты ее недооцениваешь. Если бы Киниска продолжила избиение, в следующий раз Елена сопротивлялась бы лучше.

– А что, если бы она умерла?

Кастор вскидывает брови.

– Люди всегда бросали друг другу вызов. Сильные возвышаются, а затем терпят крах, слабые приходят и уходят. Но некоторым удается выстоять. – Он играет с травинкой, а затем вырывает ее из земли. – Ты унаследовала силу матери и отца, а у Елены – своя сила. Она может быть ласковой и хрупкой, но она не так проста. Не удивлюсь, если она переживет нас всех.

Его острый ум согревает Клитемнестру, как раскаленный солнцем камень, на котором она сидит. Вот такой ее жизнь всегда и была: удовольствия и горести, игры и соревнования, и брат, который всегда рядом и всегда готов открыть ей тайны этого мира и посмеяться над ними.

На секунду она задумывается: каково ей будет, когда его

не станет?

3. Царь

Лишь только в Спарте появится какой-нибудь чужеземец, дворец тут же наполняется шепотками. Новости разлетаются со стремительностью морского бриза, а слуги натирают все поверхности до золотого блеска. На закате дня, когда свет начинает угасать, а воздух наполняется вечерними ароматами, служанки зовут Клитемнестру в купальню. «К ужину прибудет важный муж», – щебечут они.

– Воин? – спрашивает Клитемнестра в темноте коридора. Лодыжка с каждым днем болит всё меньше, скоро она снова будет готова бегать и упражняться.

– Царь, – говорят они. – Мы так слышали.

В купальне Елена уже лежит в крашеной глиняной ванне, старые раны на руках всё еще спрятаны под тряпицами с целебными травами. Гладкое, как прежде, лицо сияет, только на левой щеке остался синяк в том месте, где была сломана кость. Рядом приготовлены еще две ванны, до краев наполненные водой. Старая служанка готовит мыло – его делают из оливок, и оно источает терпкий фруктовый аромат.

– Ты уже слышала? – спрашивает Елена.

Клитемнестра снимает тунику и забирается в ванну.

– Давно у нас не было гостей.

– Целую вечность. – Елена улыбается своим мыслям. Ей нравится, когда во дворце бывают гости.

Открывается дверь. В купальню, задыхаясь, врывается Тимандра и прыгает в холодную ванну. Руки и ноги грязные, волосы растрепаны. У нее уже пошла кровь, но фигура всё еще как у ребенка, без намека на женственные изгибы.

– Тимандра, отмойся, – говорит Клитемнестра. – Ты словно в грязи вывалялась.

Тимандра смеется.

– Вообще-то так и было.

Елена улыбается и вся светится. Она в хорошем расположении духа.

– Придется немного побыть чистыми, – говорит она, и голос ее звенит от волнения. – К нам едет богатый царь.

Служанка принимается расчесывать ее волосы. Руки, покрытые коричневыми старческими пятнами, распутывают локоны Елены, словно сотканые из золота. Тимандра ощущает собственные темные волосы в поисках колтунов.

– Мне можно и грязной остаться, – говорит она, окидывая Елену взглядом. – Царь-то наверняка придет ради тебя.

– Не думаю, что он собирается жениться. Может быть, он едет по какому-то делу.

Клитемнестра чувствует себя уязвленной. С чего бы Елене быть единственной, кто готов выйти замуж?

Словно прочтя ее мысли, Елена говорит:

– А может, он будет свататься к Клитемнестре?

Ее слова льются гладко, как сливки, но за ними впервые скрывается нечто такое, чего Клитемнестра не может распо-

знать.

– Терпеть не могу царей, – беспечно бросает она, но ей никто не отвечает. Клитемнестра поднимает глаза и натывается на мрачный, грозный взгляд сестры.

– Это неправда, – говорит Елена. – Ты выйдешь замуж за царя.

Клитемнестра хочет сказать, что она куда больше стремится стать великой царицей, чем просто выйти за царя, – но видит, что Елена и так уже обижена, как обижается всякий раз, когда Клитемнестра отмахивается от нее, – и понимает, что бессмысленно затевать этот спор. Гордыню и спесь стоит оставить мужчинам.

Она протягивает руку и дотрагивается до плеча сестры.

– Все мы выйдем за царей, – говорит она.

Елена улыбается, и лицо ее снова сияет, как спелый фрукт.

Все они собрались в небольшой комнате, примыкающей к трапезной, для урока музыки. Перед ними сундук, полный флейт и лир. Их наставница, пожилая благородная дама, которая часто читает стихи во время ужинов, обучает их новой мелодии, пощипывая струны своей лиры. Брови Елены сосредоточенно нахмурены. Тимандра насмешливо ухмыляется, глядя под ноги, Клитемнестра поддевает ее локтем.

Эта песнь – о гневе Артемиды, о проклятой судьбе юноши, который посмел бросить вызов богам. Наставница поет

об охотнике Актеоне, который узрел богиню купающейся в горном ручье и позвал своих товарищей посмотреть. Но любовью, кто осмелится взглянуть на Артемиду, обречен испытать на себе ее гнев. «Так охотник стал добычей, – заключает учительница. – Актеон всё глубже и глубже удалялся в лес, и Артемида превратила его в оленя».

Когда наступает их черед, Тимандра не может вспомнить и половины слов. Голоса Елены и Клитемнестры сливаются воедино, как небо и море, – один нежный и невесомый, другой мрачный и грозный. Когда они заканчивают петь, наставница одаривает их улыбкой, игнорируя Тимандру.

– Готовы поразить чужеземца за ужином?

Сестры поворачивают головы и видят Кастора, стоящего в дверях с веселой улыбкой на лице.

Елена заливается краской, а Клитемнестра откладывает свою лиру в сторону.

– Не слишком завидууй, – говорит она брату. – Я уверена, он и за тобой будет наблюдать.

Кастор смеется.

– Сомневаюсь. Как бы там ни было, Клитемнестра, твой урок окончен. Леда ждет тебя в гинецее.

Коридор у покоев матери полон шума – женские перешептывания, торопливые шаги, бряцанье горшков и сковородок, – а из кухни просачивается запах пряного мяса. Клитемнестра открывает дверь в покои и сразу же притворяет ее

за собой. Внутри тихо, как в склепе. Мать сидит на деревянном табурете и глядит в потолок, как будто молится богам. Ломтики света из маленьких окон на равном расстоянии касаются стен, подсвечивая белые цветы, нарисованные на ярко-красном фоне.

– Ты хотела меня видеть? – спрашивает Клитемнестра.

Леда встает и приглаживает волосы дочери.

– Ты помнишь, как я брала тебя к морю?

Клитемнестра кивает, хотя воспоминания приходят всполохами: кожа Леды, омытая кристальной водой, капли, прокладывающие дорожки по ее рукам и животу, и ракушки, разбросанные среди камешков. Ракушки были пустые. Когда она спросила, отчего так, Леда объяснила, что существо, которое жило внутри, умерло, и его съело другое.

– В тот день я рассказала тебе о нашей с твоим отцом женитьбе, но ты была слишком мала, чтобы понять.

– Ты хочешь рассказать мне еще раз?

– Хочу. Ты знаешь, почему спартанцы называют женитьбу «харпацейн»?

Харпацейн – она использовала именно это слово, которое также означает «взять силой».

– Муж похищает свою жену, а она должна дать отпор, – говорит Клитемнестра.

Леда кивает. Она начинает заплетать Клитемнестре волосы, ее шероховатые руки время от времени царапают дочери шею.

– Мужу нужно показать свою силу, – говорит она, – но жена должна доказать, что она – достойная партия.

– Она должна ему подчиниться.

– Да.

– Не думаю, что смогу так, мама.

– Когда твой отец пришел за мной, чтобы отвести в свои покои, я сопротивлялась, но он был сильнее. Я кричала и изворачивалась, но он не обращал на это внимания. Тогда я притворилась, будто поддаюсь ему, а когда он расслабился, схватила его за горло и держала, пока он не начал задыхаться, – Леда заканчивает заплетать волосы дочери, и Клитемнестра поворачивается к ней. Зелень в глазах матери темна, как вечнозеленые леса на высочайших из гор. – Я сказала ему, что никогда не подчинюсь. Когда я отпустила его, он сказал, что я превзошла его ожидания, и после этого мы занялись любовью.

– Ты хочешь сказать, что мне нужно поступить так же?

– Я хочу сказать, что сложно найти по-настоящему сильного мужчину. Достаточно сильного, чтобы не желать быть сильнее тебя.

Раздается стук в дверь, и входит Елена. На ней белое одеяние и корсет, который едва прикрывает грудь. Завидев мать, Елена останавливается, опасаясь, что пришла не вовремя.

– Входи, Елена, – говорит Леда.

– Я готова. Мы идем? – Леда кивает, берет ее за руку и выводит из комнаты. Клитемнестра идет следом, гадая, успе-

ла ли уже Леда рассказать сестре секрет, которым только что удостоила ее.

Сегодня трапезная выглядит иначе. Деревянные скамьи задрапированы шкурами ягнят, а на месте бронзового оружия висят гобелены. Теперь стены украшают сцены царской охоты и битв, где сходятся израненные мужи и богоподобные герои. Слуги передвигаются стремительно и бесшумно, точно нимфы у воды. Тиндарей приказал повесить больше масляных ламп, и теперь они отбрасывают мерцающий свет на гигантский стол, за которым сидят несколько благородных спартанцев и чужеземный царь.

Клитемнестра не может отвести от незнакомца глаз. Этот мужчина выглядит моложе других гостей и совсем на них не похож. Его волосы черны, как обсидиан, а глаза сияют бирюзой, как самые драгоценные из камней. Тиндарей представляет его как царя Меонии, восточной земли, находящейся далеко за морем. В Элладе подобных ему зовут *варварами* – людьми, живущими под властью деспотов, без свободы и смысла. Клитемнестра гадает, состязаются ли меонские цари между собой, как это происходит в Спарте. Непохоже, что так: руки у чужеземца гладкие, совсем не такие, как у покрытых шрамами спартанцев, которые его окружают.

Стол уставлен редкими и изысканными блюдами, здесь и козлятина, и баранина, лук, груши, смоквы и медовые лепешки, – но Клитемнестра не хочет есть. Меонский царь бе-

седует с Еленой, которая сидит подле него. Рассмешив ее чем-то, он в упор глядит на Клитемнестру.

Она отворачивается в тот момент, когда отец обращается к чужеземцу, заглушая громкие речи:

– Скажи мне, Тантал, женщины в твоих землях так же красивы, как о них говорят?

Неужели Тиндарей пытается устроить брак? В Спарте редко бывают гости из таких отдаленных земель, а царь Меонии, должно быть, очень богат. Тантал и глазом не ведет. Он улыбається, и в уголках его глаз появляются две маленькие морщинки.

– Так и есть, но их красота не сравнится с той, что можно найти здесь, в Спарте.

Он снова бросает взгляд на Клитемнестру. В этот раз она не отводит глаз, ее сердце колотится так, словно она бежала. Она представляет, как на другом конце стола ухмыляется Кастор.

– Ваши женщины обладают самой прелестной из красот: крепостью тела и характера.

Тиндарей поднимает кубок: «За женщин Спарты», – произносит он.

Все вторят его словам, и золотые кубки посверкивают в свете ламп.

Летом солнце садится поздно. Клитемнестра стоит на террасе перед мегароном и смотрит на горы, тянущиеся на запа-

де и востоке. Поначалу их вершины резко выделяются на фоне оранжевого неба, но вскоре контуры размываются и сливаются с темнотой. Заслышав сзади приближающиеся шаги, она не оборачивается. Рядом, как она и надеялась, появляется Тантал. Она сама хотела, чтобы он пошел за ней, а теперь не знает, что говорить, и поэтому молчит. Когда Клитемнестра поворачивается к нему, он разглядывает золотые серьги в форме анемонов, которые, колыхаясь, щекочут ей шею и плечи.

– Ты знаешь, как появились ветреницы? – говорит он, нарушив тишину. У него теплый голос, а кожа темна, как дубовая кора.

– Мы зовем их анемоны, – говорит Клитемнестра.

– Анемоны, – повторяет он. – Богиня Афродита сотворила их из крови Адониса, юноши, которого она любила.

– Я знаю, что случилось. Адониса задрал вепрь.

Тантал хмурит брови.

– Юноша умирает, но любовь богини к нему живет. Эти цветы – напоминание о красоте и стойкости во времена напастей.

– Это правда. Но Адонис мертв, и никакой цветок не может его заменить.

Тантал улыбается:

– Ты и вправду чудная.

Я не чудная, хочет сказать Клитемнестра, но продолжает молчать, затаив дыхание.

– Твой отец говорит, что ты мудра, как взрослая женщина, а когда я спросил о тебе у твоей сестры, она ответила, что ты всегда знаешь, чего хочешь.

Клитемнестра склоняет голову набок:

– Этому могут позавидовать и мужи.

Улыбка улетучивается с лица Тантала, и она боится, что он уйдет. Но он протягивает руку к ее волосам. Касается кос, нащупывает шею. Кожа от его прикосновений вспыхивает огнем, но ей всё равно хочется еще. Она делает шаг вперед и встает достаточно близко, чтобы можно было ощутить его жар. Ее переполняет желание, но она не может подойти еще ближе. В конце концов, он ведь чужеземец. Они стоят не шевелясь, а мир вокруг них продолжает свое движение.

Тени на террасе вытягиваются. Всё вокруг смягчается и затухает, небеса сливаются с землей, и их лица растворяются в сумраке, как мимолетное дыхание.

4. Истории Танта́ла

Ранним утром Клитемнестра сидит в мегароне подле трона отца. В зале жарко, фрески на стенах как будто плавятся. Она чувствует запах пота Тиндарея, а ее братья в это время спорят об одном спартанском воине, который присвоил себе жену товарища. Еще немного, и люди потоком хлынут в мегарон со своими ежедневными жалобами, а ей придется их слушать, но она не может думать ни о чем, кроме руки Танта́ла у нее на шее. Это было похоже на прикосновение звезды.

– Воин должен заплатить, – говорит Полидевк, повышая голос.

Клитемнестра трет глаза, силясь собраться с мыслями.

– Ты очень мстителен, сын, – говорит Тиндарей. Он ест виноград из миски, сок струится у него по бороде. – Одного устрашения недостаточно, чтобы править.

– Мы говорим о человеке, который похитил чужую жену! – резко парирует Полидевк.

– А может, она пошла с ним сама? – скалится Кастор. – Проследи, чтобы он заплатил товарищу золотом, и отпусти обоих.

– Если наказанием тому мужу будут лишь деньги, что ему помешает, когда он снова захочет поиметь чужую женщину? – спрашивает Полидевк. – Но если ты забереешь его ди-

тя, его жену и покажешь, что он тоже может потерять то, что любит, тогда он усвоит урок. Он не будет *просить* о прощении, он будет *молить* о нем.

– У него нет жены, – замечает Кастор. – Он вдовец.

Тиндарей вздыхает.

– Что думаешь ты, Клитемнестра?

Она выпрямляет спину.

– Призовите женщину. Спросите ее, что она сделала и почему.

Братья резко поворачивают к ней головы: «И тогда что?»

– И тогда вы поступите соответственно. – Ей никто не отвечает, и она продолжает: – В Спарте мы или в Афинах? Разве мы не гордимся нашими сильными, свободными женщинами? Разве мы запираем их в домах, чтобы они хирели и становились бесполезны?

– А если женщина скажет, что сама отдалась другому? – хмурит брови Кастор.

– Тогда ей вместе с другим мужчиной придется просить прощения у своего мужа. Если же он взял ее силой, он будет просить прощения у нее, но не у ее мужа.

Тиндарей кивает, и лицо Клитемнестры вспыхивает от гордости. Отец редко к кому-то прислушивается.

– Значит, призовите женщину, – обращается он к Кабору и Полидевку. Клитемнестра собирается встать, чтобы уйти, но отец останавливает ее: – Останься.

Когда братья скрываются из виду, Тиндарей угощает ее

виноградом. Ладони у него большие и узловатые.

– Я хочу спросить тебя о меонском царе, Клитемнестра.

Она выбирает самые спелые виноградины и жуёт их, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица.

– Что ты хочешь о нем спросить?

– Соглашение, ради которого он прибыл, мы уже обсудили. Он может возвращаться домой. Но он говорит, что ему нравится проводить с тобой время, – Тиндарей замолкает, а затем спрашивает. – Чего ты хочешь?

Клитемнестра глядит на собственные руки: тонкие пальцы в мелких порезах, ладони мягче, чем отцовы. Чего я хочу?

– Многие спартанские мужи скоро будут просить твоей руки, – говорит Тиндарей. – Тебя любят и почитают.

– Я знаю.

Она ничего не добавляет, и тогда Тиндарей спрашивает:

– И всё же ты хочешь, чтобы Тантал остался? – Он терпеливо ждёт ее ответа, отправляя в рот одну виноградину за другой, пока миска не пустеет.

– Да, отец, – в конце концов отвечает она. – Я хочу, чтобы он задержался еще немного.

Она становится одержима Танталом. Если он рядом, она жаждет его прикосновений, а если нет, мысли уносятся куда-то далеко, и она ловит себя на том, что думает о его глазах и стройном теле, чего никогда прежде не случалось.

Елена этого не понимает, да и как ей понять? Клитемнестра знает, что сестра одержима самой собою. В глазах Елены все мужчины одинаковы: они сильны и жестоки, они восхищаются ее красотой, – но и только. Они не стремятся завоевать сердце Елены, для них она – трофей, пусть и ценнейший, но всё же трофей, как корова или меч. Но Тантал увидел в Клитемнестре что-то, что ему понравилось, и теперь, похоже, готов на всё, лишь бы получить то, чего хочет.

– Он ничем не отличается от остальных, – говорит Елена, когда они быстро спускаются вниз по улочке с ремесленными и торговыми лавками неподалеку от дворца. Эта улочка коротким путем ведет к площади, где расположились ткачи и красильщики.

– Я верю, что отличается, и это покажет время, – отвечает Клитемнестра, стремительно шагая по мощеной улице.

– Подожди! Зачем ты так бежишь? – Елена хватая ртом воздух.

Клитемнестра знает, что Тантал в конюшнях, и надеется, что он всё еще будет там, когда они вернутся.

– Нам нужно до заката забрать хитон матери. Давай быстрее! – говорит она, выскакивая из мрака узкой улочки на светлую площадь. Близится конец лета, но солнце всё еще светит беспощадно и ослепительно. Клитемнестра встает как вкопанная, и Елена с разбега налетает на нее.

– Да ладно тебе, – говорит она. – Ты хочешь вернуться, чтобы увидеться с Танталом.

Она берет сестру за руку и ведет по площади, останавливаясь перед лавкой духов, чтобы взглянуть на фруктовые деревья и ароматные травы, высаженные во внутреннем дворе. Клитемнестра подталкивает ее, они идут мимо лавок красильщиков, с вывешенными у дверей ягнячьими шкурами, к небольшой лавочке в самом углу, где продают ткани, – это владения прядильщиц и ткачих. Помещение внутри просторное, хорошо организованное, женщины трудятся над сырым льном и шерстью.

– Мы пришли за новым хитоном Леды, – громко и отчетливо произносит Клитемнестра.

Черноволосая светлокожая женщина откладывает свою работу и выходит вперед.

– Добро пожаловать, царевны, – говорит она и ведет их в дальний конец лавки, где за высокими ткацкими станками сидят женщины постарше. – Подождите здесь, – говорит она и исчезает за занавеской.

– Когда Тантал уедет? – спрашивает Елена. – Гости никогда не задерживаются так долго.

– Быть может, он и не уедет.

Женщины позади них перешептываются. Клитемнестра оборачивается, чтобы разобрать их слова, но те тут же замолкают и возвращаются к работе. Елена заливается краской, потупив взгляд.

– Что они сказали? – спрашивает Клитемнестра.

– Неважно, – шепчет Елена, и прежде чем Клитемнестра

успевают допытаться, возвращается женщина с багряным хитоном в руках.

Клитемнестра забирает его и обращается к сестре:

– Пойдем. Нам нужно возвращаться.

Елена бормочет что-то в ответ, и как только она заговаривает, женщины снова начинают шептаться. Они спешно выходят из магазина, провожаемые взглядами ткачих.

На площади Елена обгоняет Клитемнестру и идет впереди. Сестру явно что-то тревожит, и Клитемнестра решает оставить ее в покое. Ей не терпится оставить хитон у дверей дворца и побежать к конюшням.

– Ты и правда не услышала, что они сказали? – вдруг спрашивает Елена. Она всё еще идет впереди, и Клитемнестре не видно ее лица.

– Нет.

– Те женщины называли меня *терас*. – В ее устах это слово режет, как нож. Оно означает «знамение» или «чудо», как радуга, появляющаяся над тучами, а еще «чудовище», как горгона – существо со змеями вместо волос. – В гимнасии тоже так говорят.

Клитемнестра злится.

– Почему? С чего им так говорить?

Елена оборачивается. Ее щеки пылают, а глаза полны слез. Клитемнестре больно видеть на лице сестры такую печаль.

– Они думают, что Тиндарей мне не отец. Что я родилась после того, как Зевс силой овладел Ледой. Они в это верят,

но не говорят мне этого в лицо.

Клитемнестра делает глубокий вдох.

– Давай вернемся в лавку. – Ее брат прав: некоторым нужно преподать урок.

– Я думала, ты спешишь увидеть Тантала, – отвечает Елена, голос ее полон горечи.

Она разворачивается и устремляется по мощеной улице обратно ко дворцу. Клитемнестра остается стоять посреди площади под слепящим солнцем, сжимая в руках материнский хитон. Как бы ей хотелось, чтобы этот свет опалил ее, чтобы Елена увидела, как ей больно.

В полупустых конюшнях Тантал кормит бурого жеребца. Клитемнестра подходит к нему медленно, словно и не носилась весь день сломя голову. Завидев ее, он дает коню последнюю охапку сена и поворачивается к ней.

– Я слышал, тебя недавно ранили в состязании, – говорит он.

– Ничего страшного. Подвернула лодыжку.

У него ярко-голубые глаза, похожие на самоцветы, каждый раз преломляющие свет под новым углом, но они кажутся спокойными, как прозрачно-чистая вода у речного берега: не глубокая, не внушающая страха.

– Ты сражаешься? – спрашивает она.

– Да, но не так, как вы. Мы используем оружие.

– А как быть, если на тебя нападают, а при тебе нет ору-

жия?

Тантал смеется.

– Рядом есть стража.

– Сейчас стражи нет.

Он с улыбкой разводит руками:

– Сразись со мной, если хочешь. Тогда посмотрим, заслужили ли мы, варвары, имя, которое вы нам дали. – В его голосе нет ни злости, ни пренебрежения. – Но, боюсь, что не подхожу тебе в соперники.

Она удивлена. Она не знает ни одного мужчину, который сказал бы такие слова.

– Может, тогда нам стоит сразиться с оружием?

Тантал делает шаг вперед, второй, третий.

– О, я уверен, что и в таком случае ты окажешься сильнее.

Я слышал, ты всегда сражаешься только ради победы.

– А ты нет?

Теперь он стоит совсем близко, ей видны мелкие морщинки вокруг его глаз.

– Мне никогда не приходилось сражаться, чтобы что-то получить. В этом мое проклятье и моя слабость.

И снова удивление. Знакомые Клитемнестре мужи не говорят о своих слабостях. Она обдумывает его слова. Подобную жизнь сложно себе представить.

– Но я вижу, что с тобой всё должно быть иначе, – добавляет Тантал. – Так что я буду пытаться снова и снова, если ты мне позволишь.

– А если нет?

– Тогда я вернусь обратно в Меонию и узнаю, как мучительно жить, не имея того, чего желаешь.

– Это пойдет тебе на пользу.

– Я так не думаю.

Клитемнестра отклоняется назад, хотя ей очень хочется коснуться его лица. Она хочет пальцами ощутить его гладкую кожу, прижаться к нему всем телом. Но всё хорошее должно настояться, и она оставляет его ни с чем.

Они начинают каждый день ходить вместе к реке. Идут в гаснущем свете дня, когда земля под ногами еще хранит тепло. Пока они сидят, болтая ногами в воде, а камыш щекочет им спины, Тантал рассказывает истории о людях, которых он встречал, о землях, где бывал, о богах, которым поклонялся, и о мифах, которые любил. Он рассказывает ей о хеттах с их военными колесницами и богами гроз и бурь. Описывает Крит, его величественный дворец, где каждая стена изукрашена роскошными цветами и узорами, согретыми солнцем. Он рассказывает о первом правителе Меонии и его гордой дочери Ниобе, чьих семерых сыновей и дочерей убила Артемида.

– Ниоба никак не переставала плакать, – говорит он, – и боги превратили ее в камень. Но даже тогда по камню вечно бежала вода.

Он рассказывает ей о Колхиде, чудесной земле Ээта, сына

солнца, и о заклятиях, которые он творит, чтобы утратить свой народ.

– За него сражаются воины из пепла и драконы. А теперь у него есть дочь Медея. Говорят, она опасна. Говорят, что она колдунья, как и ее отец.

– Может, она не так уж и опасна, – замечает Клитемнестра.

– Может, – говорит Тантал, – но обычно, вырастая, дети становятся похожи на родителей.

– А кто твои родители?

Тантал рассказывает о правителях Меонии, отцах золотых и серебряных монет. Клитемнестра видит, что ему нравится рассказывать эти истории. Ей нет дела до мифов – она выросла рядом с отцом и братьями, которые смотрят на мир без всякой очарованности и иллюзий. Но Тантал – одаренный рассказчик, и поэтому она слушает.

Слушая его, она поражается тому, как это восхитительно и в то же время страшно: хвататься за каждое его слово и желать слушать вечно. Как с колотящимся сердцем прыгать с обрыва и падать, но всё равно постоянно жаждать продолжения.

Следующие несколько дней Клитемнестра наблюдает за родителями так пристально, как никогда прежде.

Когда простолудины приходят в мегарон со своими прошениями, Леда высказывается и отдает приказы, но только

когда Тиндарей спрашивает ее мнения. А за ужином, когда он беспечно бросает взгляды на девушек-прислужниц – так, чтобы жена могла это заметить, – Леда молча осушает свой кубок с вином, хотя в глазах у нее пляшут искры, словно она вот-вот вспыхнет. Клитемнестра видит, что мать дразнит отца, что это ему в ней и нравится, но лишь до поры. Заиграйся с волком, и он разорвет тебя на куски.

Наблюдая за ними, Клитемнестра чувствует себя ткачихой, скручивающей нити, и ей не терпится увидеть всё полотно целиком. Она подмечает, что ее мать может быть двумя разными женщинами, и лучшая из них обычно показывается, когда отца нет рядом.

Так вот что происходит, когда женщина влюбляется и выходит замуж, думает Клитемнестра. Вот чем ей приходится жертвовать! Всю жизнь ее учат быть сильной, смелой, настойчивой, а потом, при муже, придется обуздать эти качества? Но ведь отец слушает Клитемнестру, когда она говорит, а Тантал смотрит на нее так, словно она богиня.

Эти мысли горят и потрескивают, и она старается их погасить.

Неважно, как ведут себя Леда и Тиндарей. Ее бабка сказала, что она будет царицей, значит, так и произойдет.

Она не прогнется ни перед кем. Ее судьба будет такой, какую она выберет сама.

Ее братья должны уехать. Славный поход в богатые зем-

ли Колхиды. Гонец прибывает с новостями на рассвете, от долгой дороги пот пропитал его хитон до нитки. Клитемнестра наблюдает, как он спешивается – у входа во дворец его встречают Кастор и Полидевк. С приезда Тантала у них не было других гостей, и ее удивляет, что гонец медлит у дверей, чтобы встретиться с братьями, а не спешит во дворец, чтобы побеседовать с царем.

Позже Кастор приводит ее к берегу реки. Он кажется грубо погруженным в собственные мысли, глаза его темнеют в утреннем свете.

– Посланник приезжал к тебе и Полидевку, – говорит Клитемнестра.

Кастор кивает.

– Мы отправляемся в Колхиду. Нас позвали присоединиться к компании молодых мужей.

– Тантал рассказывал мне о Колхиде, – говорит она. – Там правит нечестивый царь.

– Ээт, – отвечает Кастор.

– Он сведущ в разных снадобьях. Он использует лесные травы, чтобы навлечь на мир перемены.

– Откуда тебе всё это известно?

– Тантал говорит, что на востоке это известно всем.

– И что делают эти травы?

– Они исцеляют животных и людей, возвращают их из мертвых. А еще причиняют боль.

Кастор не отвечает. Он наблюдает за группой мальчишек,

скачущих наперегонки вдалеке.

– Когда ты отправляешься? – спрашивает Клитемнестра, окуная ноги в воду.

– Скоро. Через десять дней.

– И сколько тебя не будет?

Кастор усаживается рядом с ней.

– Еще не знаю. Это будет один из величайших походов, что когда-либо совершались. О нем будут говорить многие годы.

– Значит, тебя не будет долгое время.

Кастор как будто не слышит ее слов.

– Нас поведет Ясон из Фессалии. Отряд из сорока мужей, а может, и больше.

– Ясон? – Она вспоминает, как женщины во дворце обсуждали мальчика, сына законного царя Иолка. Это была одна из тех историй, которые люди любят пересказывать снова и снова: о жадном до власти правителе, что стремился устранить все угрозы трону, и о матери, отчаянно пытавшейся спасти своего ребенка. Когда Ясон родился, брат его отца, Пелий, приказал убить его, тогда мать Ясона вместе со слугами обступили младенца и принялись стенать, будто бы ребенок родился мертвым. Позже в ночи она выскользнула из дворца и спрятала сына в лесу, надеясь, что кто-нибудь его спасет. С тех пор о нем никто не слышал.

– Он жив, – говорит Кастор, – и он вернет свое царство. Но сперва ему нужно отправиться в Колхиду.

– Что он там ищет?

– Золотое руно. – Клитемнестра недоверчиво вскидывает брови, и Кастор поясняет: – По слухам, царь Ээт хранит у себя золотую шкуру барана. Многие пытались ее выкрасть, но никто не преуспел. Дядя Ясона желает, чтобы тот отыскал руно и принес ему. Тогда он вернет ему иолкский трон.

– Зачем тебе следовать за ним? – спрашивает Клитемнестра. – Это его задание, тебя оно не касается.

– Каждый муж, который хоть чего-то стоит, будет там. Каждый, кто хочет, чтобы его запомнили.

А как же я? Меня забудут? В памяти вновь всплывают слова бабки: «*Вас, девочки, будут помнить дольше, чем ваших братьев*». Она заходит в воду, ощущая под ногами замшелые камни.

Кастор спрашивает:

– Этот царь, Тантал, он тебе нравится?

Она смеется, но не отвечает.

– Я уверен, он хочет тебя заполучить, – продолжает Кастор.

– Я в этом тоже уверена.

– Ты выйдешь замуж?

– Меония очень далеко, – отвечает она.

Кастор склоняет голову набок и серьезно глядит на сестру:

– Колхида тоже далеко. Ну и что? Что же нам, оставаться в Спарте и гнить здесь до конца наших дней?

Клитемнестра слышит позади тяжелое дыхание Елены. Она протягивает руку, чтобы помочь сестре взобраться по лесной тропе. Листья похрустывают у них под ногами, солнечные лучи просачиваются сквозь кроны деревьев. Вдоль ручейков и поваленных деревьев растет земляника, в тени ее ягоды кажутся кроваво-красными.

Находиться в гимнасии было невыносимо: во время занятий все постоянно сбивались в кучки и шептались у Елены за спиной. Как только окончился урок танцев, Клитемнестра схватила сестру за руку и потащила по тропе, ведущей на вершину Тайгета. Она знала, что если останется, то не сможет сдержать себя.

Сестры карабкаются к вершине, где воздух холодный и волглый, а верхушки деревьев пронзают небо точно копья. Клитемнестра останавливается у большого камня, а Елена опускается рядом с ней на колени, ее золотистые волосы вымокли от пота, и из них во все стороны торчат мелкие веточки. С такой высоты долина внизу видится бурой и гладкой, заплаты иссушенной желтой земли похожи на шрамы на теле воина.

– Ты слышала о Касторе и Полидевке? – спрашивает Елена. Должно быть, ей рассказал Полидевк. Клитемнестра кивает. – Ты волнуешься?

– Нет, – отвечает Клитемнестра. У них над головами пролетает орел с дохлой мышью в клюве. Клитемнестра провожает орла взглядом, пока он не скрывается из вида, нырнув

в глубину леса.

– Жаль, что я не могу уехать, – говорит Елена. – Я бы хотела уехать вместе с ними.

– И отправиться в Колхиду?

– Почему нет?

Клитемнестра пожимает плечами:

– Я хотела бы увидеть Кносс или финикийские колонии. Или Меонию.

– Меонию, – повторяет Елена.

Клитемнестра усаживается на камень, чувствуя, что Елена не сводит с нее глаз.

– Ты хочешь выйти замуж за Тантала? – спрашивает Елена. В ее голосе ни зависти, ни злости – лишь недоумение.

Что ее так удивляет? – думает Клитемнестра. – Она полагаала, что я выйду за какого-нибудь мелкого царька или за спартамца? Нет. Я хочу быть с кем-то другим, с тем, с кем я буду смотреть на мир с удовольствием, кто покажет мне его чудеса и загадки.

– Я вижу, как ты меняешься, когда он рядом, – говорит Елена.

– В лучшую или худшую сторону? – спрашивает Клитемнестра.

Елена отворачивается и принимается разглаживать свой хитон. Клитемнестра знает, что за ее спокойствием могут скрываться и скорбь, и страх. Но Елена научилась прятать тьму в глубине, так же как водоросли прячутся под поверх-

НОСТЬЮ ВОДЫ.

Когда она поворачивается к сестре, Елена уже улыбается.

– В лучшую, я думаю.

За ужином Кастор и Полидевк объявляют о своем скором отъезде. Тиндарей и Леда одаривают их поцелуями, а благородные спартанцы рукоплещут братьям.

– Мы отбудем, как только придет весть, что Ясон в Иолке готов, – объявляет Кастор, и все принимаются одобрительно стучать кубками по столу. Слуги разносят золотые кувшины с вином и блюда с хлебом, мясом, смоквами и сырами.

– Родичи и друзья-спартанцы, налегайте на угощения, – говорит Тиндарей. – Сегодня мы празднуем поход моих сыновей. – Снова звучат одобрительные выкрики. Елена молча потягивает вино, а Полидевк в это время что-то шепчет ей в ухо. Клитемнестра наблюдает за ними.

– Тебе грустно? – спрашивает ее Тантал.

Она поворачивается к нему.

– Я вижу, что тебя печалит их отъезд, – говорит Тантал. Он смотрит на нее выжидающе, словно готов в любой момент поймать в ладони ее страхи и секреты.

– Там они будут счастливы, – отвечает она. – Они были рождены для этого.

– Для чего?

– Стать великими воинами. Героями.

– А ты?

– А я родилась не для того, чтобы участвовать в походе какого-то мужа.

– А для чего же тогда?

Она не торопится с ответом.

– Моя бабушка однажды сказала, что я была рождена править.

Тантал улыбается.

– Прежде чем вести за собой, любой правитель должен научиться следовать.

– И как долго ты следовал за кем-то? До того, как стал царем?

Он смеется и берет ее за руку. Кожа вспыхивает от его прикосновения. Затем он выпускает ее руку и принимается за еду, а трапезная наполняется хмельными разговорами.

Когда солнце утопает в иссохшей земле, шум в зале стихает. Домашние собаки подьедают с пола остатки еды, стол заставлен грязными тарелками, мисками и полупустыми кубками с вином. Леда и Тиндарей уже удалились в свои покои, и подвыпившая знать разбредается по домам, таща за собой своих жен.

Снаружи стемнело, но в сводчатой трапезной светло. С озорной улыбкой на лице Кастор протягивает Танталу золотой кувшин:

– Выпей еще.

Тантал принимает кувшин.

– Если ты пытаешься меня напоить, то тебе это так просто

не удастся.

– Вы в Меонии много пьете? – спрашивает Елена. Она лежит на деревянной скамье, пристроив голову на коленях Полидевка.

– До смерти, – отвечает Тантал. Кастор и Клитемнестра смеются. Она ходит по зале кругами, то и дело выныривая из темноты в яркий свет факелов. Взгляд Тантала следует за ней.

– В таком случае мы не можем отпустить с тобой нашу сестру, – говорит Кастор. – Мы же не хотим, чтобы она умерла, упившись вина.

Клитемнестра заливается румянцем и улыбается:

– Не стоит беспокоиться, Кастор. Ты же прекрасно знаешь, что я могу побить тебя даже после двух кувшинов.

Кастор подбегает к ней и шутливо пытается поднять, но она хватает его руку и заламывает ему за спину. Он хохочет и отталкивает ее.

Елена зевает, и Полидевк поднимается со словами: «Я иду спать». В комнату входит темноволосая служанка и с надеждой смотрит на него, словно только и ждала всё это время, когда он позовет ее. Он не обращает на нее внимания и протягивает руку Елене.

– Что ж, и я пойду, – говорит Кастор, направляясь навстречу служанке. – Похоже, в конце концов и у меня сегодня будет компания.

Елена медлит у двери, глядя на Клитемнестру и Тантала.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но передумывает и берет Полидевка под руку. Они уходят вместе, и уже в дверях Елена успевает обернуться в последний раз.

Клитемнестра опирается локтями о стену, Тантал не сводит с нее глаз. Кроме них, никого не осталось. Она ждет, замерев в свете факела, и тогда он сам подходит к ней. Когда он оказывается достаточно близко, чтобы дотронуться до нее, то говорит так тихо, что его слова звучат не громче дыхания:

– Скажи мне, чего ты хочешь, Клитемнестра. – Она молча прикусывает губу. И тогда он добавляет: – Я готов уехать, если это именно то, чего ты хочешь.

Он понимает, что ей нравится власть, и поэтому дает ее. Она гадает, не уловка ли это, не затеял ли он какую-то игру. Но даже если и так, она хорошо играет в игры и, пожалуй, сможет сыграть и в эту.

– Останься, – говорит она.

Ей уже доводилось бывать с женщиной, точнее, с мальчишкой ненамного старше ее самой. Это случилось в летнюю ночь, во время праздника. Звезды были рассеяны по всему небесному своду и освещали гуляющих, пока те танцевали и прыгали в желтой траве. Елена, Клитемнестра, Кастор и Полидевк вместе наблюдали за ними, замороженные топотом ног и разрисованными лицами деревенских. Елена начала хлопать и подпевать в такт музыке, а вскоре все они уже танцевали и хохотали, держась за руки.

Потом они пили, пока звезды не закружились в глазах, а узоры на лицах гуляк не стали похожи на сон. Елена и Полидевк так и остались танцевать вместе, а Кастор исчез куда-то в компании одной деревенской красавицы; она была старше, и у нее были большие глаза, как у богини Геры. Какой-то темноволосый кучерявый мальчишка взял Клитемнестру за руку, и они побежали, от возбуждения не чувствуя собственного веса, и спрятались в высокой траве.

Позже, когда они оба, дрожа, лежали под безмолвной луной и наслаждение уже начало отступать, он спросил, можно ли ему будет увидаться с ней снова. Она покачала головой. Она чувствовала запах смоковниц и грязи, жасмина и пота. Мальчишка быстро уснул, и она оставила его там, предаваться своим снам под деревьями.

Она прошлась по деревне, ей не терпелось разыскать братьев и сестру. Елена и Полидевк куда-то подевались, но она нашла Кастора, сидящего в одиночестве в саду, на губах его играла полуулыбка. Она прилегла рядом с ним и положила голову ему на колени; пестрые фрунты парили над ними, словно маленькие солнца. Знакомое ощущение руки Кастора, гладившего ее по голове, успокоило Клитемнестру. Так она и уснула, свернувшись рядом с братом, пока не встало солнце и их не разбудили деревенские.

Она просыпается во мраке комнаты, которую не сразу узнает. Ни одна свеча не горит, тонкие занавески пляшут под

порывами ветра. Она поднимается на локте, и прядь ее волос падает на лицо Тантала. Он улыбается, не открывая глаз, и Клитемнестра чувствует, что он всё равно как-то ее видит.

– Спишь ты не очень-то долго.

– Я люблю думать.

– Ты любишь наблюдать.

Клитемнестра думает, как лучше ответить. Обычно она сгора на слово, но, похоже, в этом он ее превосходит. Должно быть, это потому что он говорит о ней, а не о себе. Она глядит на его темные ресницы, они даже гуще, чем ее собственные. Тантал открывает глаза, и они поблескивают, словно океан, в лунном свете.

– Скажи мне, – говорит он, улыбаясь, – что ты видишь?

Она откидывается обратно на спину и смотрит в потолок.

– Чужеземца, который не чувствует себя таковым, и спартанку, которая на своем месте чувствует себя чужой.

Тантал хохочет и целует ее шею, ее щеки, ее ключицы.

Царь всегда остается царем, даже вдали от дома, думает Клитемнестра. А что насчет царицы? Что делает женщину царицей? Царица защищает себя и свой народ, дарует милость тем, кто ее заслуживает, и наказывает предателей.

Ее голова тяжелеет от сна. От Тантала пахнет пряным вином, а на вкус он как мята, которую кухарки используют, чтобы добавить вкуса пресной пище. Его голова покоится у нее на плече, и ей кажется, что она летит, что она – птица, парящая в темном, синем небе.

На мгновение она вспоминает о Елене, оставшейся одной в их общей комнате. Вспоминает все те ночи, когда они вместе лежали без сна, гадая о том, каково это – быть с царем.

Она отмахивается от этих воспоминаний и крепче прижимается к Танталу.

5. Мудрая сестра

Свадьба должна состояться быстро, до отъезда Кастора и Полидевка. Тиндарей легко дает свое согласие. Только Леда противится.

– В Тантале нет силы, – говорит она, сидя в мегароне и поедая спелые абрикосы. Феба и Филоноя скачут вокруг нее, играя с палками. Ноги у них заскорузлые от грязи, волосы всклокочены. Солнечные лучи поглаживают фрески, отчего краски переливаются, точно дождевые капли на траве.

– В нем другая сила, – отвечает Клитемнестра. – Он пытлив и умен. – Леда вздергивает бровь, и Клитемнестра видит, что мать не может понять, как пытливость ума может сравниться с физической силой.

– Ты думаешь, он будет хорошим отцом? – спрашивает она.

– Куда лучшим, чем любой спартанец.

Леда неодобрительно хмурится, но ничего больше не говорит. Она подзывает Фебу и Филоною, и те сразу же подбегают. Их туники перепачканы абрикосовым соком.

– Пойдите вымойтесь. Завтра важный день, – приказывает Леда. – Ваша сестра выходит замуж. – Феба радостно хлопает в ладоши, а Филоное и дела нет. Ей до замужества еще очень далеко. – Идите скорее, – торопит Леда. Девочки убегают. В дверях Феба оборачивается и корчит угрюмую рожи-

цу, потому что Филоноя дернула ее за волосы. Клитемнестра подмигивает ей.

– Гостей будет немного, – говорит Леда, – но твой отец сказал, что сегодня вечером прибудет его брат и ваша двоюродная сестра Пенелопа.

– Мне нравится, когда людей немного.

– Я знаю. Я была такой же в твои годы.

Клитемнестра опускается на колени рядом с тронном и кладет голову матери на колени.

– Ты не веришь в наш союз, – говорит она, – но доверься мне, мама.

Леда вздыхает.

– Какой толк спорить, когда ты такая упрямица.

После ужина из Акарнании, северных земель зеленых холмов и сверкающих рек близ Этолии, прибывает ее дядя, царь Икарий, и его дочь. Клитемнестра с Еленой слышат, как Тиндарей приветствует их в зале и призывает отдохнуть с дороги. Им было сказано ждать Пенелопу в гинецее, где они припасли для нее мед и лепешки.

Пенелопа приблизительно того же возраста, что и Клитемнестра. Она кажется податливой и тактичной, но при этом хитра и настойчива, точно лоза, что плетется по дворцовым стенам. Детьми они проводили много времени вместе. Пенелопа больше походила на Елену: была воспитанной и тихой девочкой, но, как и Клитемнестра, всегда находила способ

выразить свои мысли и занять свое место. За это Клитемнестра отдавала ей должное.

– Добро пожаловать, сестра, – говорит Елена, когда появляется Пенелопа в бурой накидке и тонком платке, обрамляющем лицо.

– Очень рада вас видеть. – Пенелопа присаживается на деревянный табурет, предложенный Клитемнестрой, и снимает платок, открывая темные переливающиеся волосы, напоминающие рысью шерсть. Она изменилась с их последней встречи: всё так же невысока ростом, лицо по форме напоминает миндаль, взгляд мягкий, а тело уже приобрело молодые изгибы.

Елена пододвигает к ней тарелку с лепешками. Пенелопа берет одну так медленно, как будто совсем не голодна. Отломив кусочек, она устремляет свой мягкий взор на Клитемнестру.

– Мои поздравления. Ты выходишь за чужеземца, как я слышала.

– Так и есть. За царя Меонии.

Что-то мелькает в глазах Пенелопы – так в свете факела мерцает серебро.

– Значит, ты уедешь.

– Да, но не скоро.

Пенелопа кивает, ее лицо бесстрастно. Клитемнестра хорошо знает это выражение. Когда они были детьми, Пенелопа постоянно ходила за ней по пятам, силясь отвратить ее от

опрометчивых поступков, а если ей это не удавалось, извинялась за родственницу перед старшими. Лгуньей она была хорошей.

– Ты не одобряешь? – спрашивает Клитемнестра.

Пенелопа улыбается:

– Я просто никогда не думала, что ты окажешься первой, кто выйдет замуж, только и всего.

– Ты, наверное, устала, – обращается к ней Елена.

– Немного, – отвечает Пенелопа. – Но мы так долго не виделись. У нас на целую ночь историй хватит. – Она смотрит на них задумчиво, а затем берет Клитемнестру за руку. – Расскажи мне про Тантала. Я хочу знать всё.

В день свадьбы рассвет ярко сияет золотом. Деревья за окнами желто-оранжевые, а вода у берегов Еврота непроницаема. Столы в мегароне уставлены блюдами с гусями и утками, перепелами и кабанятиной, смоквами, пирогами, луком, виноградом и сладкими яблоками. Повсюду расставлены вазы с живыми цветами, а окна и двери распахнуты настежь, чтобы свет мог в полной мере воздать должное фрескам на стенах.

Зал быстро наполняется богатыми спартанскими семьями. Тиндарей и Леда приветствуют их и предлагают вино. Большинство интересуется, какую выгоду Спарта получит от этого союза, что предложил царь Меонии. Клитемнестра не обращает внимания на разговоры. Она стоит у самого боль-

шого окна, Елена и Пенелопа держатся по обе руки от нее. Пенелопа выглядит очень красиво в своем лазурном платье, а Елена надела простой белый хитон, ее длинные волосы обрамляют своим сиянием плечи. Она очень старалась не затмить сестру в такой день. Клитемнестра надела серьги, которые были на ней в тот вечер, когда она впервые встретила Тантала, а ее собственное белое платье перехвачено тонким золотым ремешком.

– А наша сестрица Пенелопа подросла, – говорит Кастор, подходя к ним вместе с Полидевком и еще несколькими молодыми спартанцами. Пенелопа с улыбкой принимает поцелуй кузена. Она ненадолго задерживает взор на других юношах, ее глаза сияют, как луна в беззвездную ночь.

– Надо полагать, и ты скоро выйдешь замуж, – говорит Кастор.

– Не раньше, чем найду мужчину, который будет меня по-настоящему уважать, – отвечает Пенелопа. Кастор открывает рот, но она его опережает: – А что же ты, кузен? Тебе до женитьбы всё так же далеко? – Ее голос звучит мудро и незлобиво, не так, словно она собирается затеять спор, как часто выходит у Клитемнестры.

– Зачем ограничивать себя, когда вокруг столько спартанских женщин? Посмотри, сколько их тут, – смеется Кастор.

– Разве ты уже не переспал с каждой из них? – фыркает Полидевк.

Кастор прищуривается.

– Думаю, еще нет. – Молодые мужи смеются, Пенелопа отвечает ему улыбкой. – А теперь, если вы позволите... – Он направляется к компании спартанских девушек, и его товарищи следуют за ним.

Клитемнестра поворачивается к окну.

– Я чувствую себя так странно, – говорит она. Как будто жизнь, какой она ее знала, подошла к концу.

Пенелопа сжимает ее запястье.

– Оставь это, – говорит она, а затем, словно прочитав ее мысли, прибавляет: – Нас учат, что с замужеством приходит конец детству и веселью, но всё остается как прежде. В твоей жизни не так уж много изменится.

– А ты откуда знаешь?

– Я в этом уверена. Мужчины говорят так, чтобы мы почувствовали свою ответственность, тогда сами они сколько угодно смогут оставаться детьми.

– Как бы я хотела запомнить всё, что ты говоришь, Пенелопа, – смеется Елена. – Тебя этому учит дядя Икарий?

Пенелопа качает головой.

– Отец не слишком занимается моей учебой. Но меня учила мать, пока была жива. Она любила поговорить, особенно со мной. С отцом они разговаривали меньше.

Клитемнестра пытается углядеть в лице Пенелопы хоть какой-то намек на печаль, но видит лишь умиротворение. Ее мать, Поликаста, была хрупкой доброй женщиной и умерла от горячки несколько лет назад, когда Пенелопа была еще

девочкой. С тех пор Пенелопа в одиночку управляет всем вместо нее. Клитемнестра знает, что Пенелопа с легкостью может заставить людей слушать ее, но в то же время и сама может быть внимательным слушателем. Однажды она станет хорошей, справедливой царицей.

Пятеро молодых мужчин достают флейты и тимпаны. Как только раздается музыка, девочки и женщины устремляются в центр мегарона. Они кружатся и вскидывают головы, их волосы вздымаются, как ветви дерева, раскачиваемые сильнейшим из ветров. Большие окна льют на них свет. Елена вытаскивает Клитемнестру в центр зала. Двигая запястьями и лодыжками, она отдается ритму, ее украшения позвякивают в такт. Вскоре к ним присоединяются мужчины. Клитемнестра видит, как Кастор прыгает и руками отбивает ритм, а Полидевк закрыл глаза и качает головой, пока несколько девушек, хихикая, наблюдают за ним.

Они останавливаются, только когда по спине начинает струиться пот. Теперь они чувствуют себя еще пьянее и счастливее. Клитемнестра берет горсть сухих фруктов и отпивает немного вина, ее едва ли не лихорадит. Кто-то начинает петь, музыканты принимаются аккомпанировать. Поют о захваченных городах, успешных охотах и набегах. О войнах-женщинах и великих сражениях.

– Мне одному кажется, что поющие мужчины выглядят смешно?

Клитемнестра поворачивается к брату. Кастор захмелел

сильнее, чем она, оливковая кожа на щеках раскраснелась. Это зрелище вызывает у нее улыбку.

– Мы похожи на животных, – говорит он. Не поспорить: Клитемнестра смотрит по сторонам и видит, как разругались от хохота лица мужей, как они стискивают в руках свои кубки с вином. Каждый следующий куплет оказывается непристойнее предыдущего, что ее не удивляет, но сейчас это выглядит почти нелепо.

Ей внезапно хочется тишины, и она кругом обходит зал. Продвигаясь к дверям, она сталкивается с высокой девушкой. Киниска. Заметив ее угрюмый взгляд, Клитемнестра отступает на шаг.

– Мои поздравления, – говорит Киниска. Ее похожий на клюв нос странно перекошен, а на руках виднеются следы отцветающих синяков.

Клитемнестра гадает, не с состязания ли они остались. «Спасибо», – отвечает она и делает шаг в сторону, чтобы взять кубок с вином, но Киниска встает у нее на пути.

– Благородная, почитаемая, отважная, – говорит она, – какая чудная царица из тебя выйдет.

Клитемнестра молчит, не зная, что сказать. Выражение лица Киниски, как обычно, вселяет в нее тревогу.

– На твоём месте я бы поостереглась. Удачливые всегда плохо кончают.

– Много удачливых и почитаемых мужей живут счастливо. – Даже произнося эти слова, она знает, что они не совсем

правдивы.

Киниска ухмыляется.

– В этом и есть твоя ошибка. Ты считаешь, что равна мужчине, но это не так. Удачливой женщине никогда не избегать зависти богов.

Если бы она захотела, то могла бы сделать так, чтобы Киниску высекли тут же, на месте, но она не стоит ее гнева, поэтому Клитемнестра просто отвечает ей ледяным взглядом и устремляется навстречу своему любимому Танталу.

Лучше быть предметом зависти, чем быть никем.

Ночью, пока пока Тантал мирно спит рядом, она не находит себе места. Они занимались любовью, захмелевшие и возбужденные, и простыни теперь пропитаны запахом их тел. Она поворачивается на левый бок и смотрит на голую стену. В другом конце дворца, в укрытии ярких узоров на стенах гинееца Елена наверняка уже спит в их постели вместе с Пенелопой. Клитемнестра чувствует укол ревности.

Она этой ночью точно не уснет. Клитемнестра тихо откидывает простыни и выходит из комнаты. Крадется на цыпочках, минуя факелы, от которых идет тепло, и добирается до мегарона. Зал уже должен покоиться, пустой и тихий, но там стоит Пенелопа и разглядывает фрески со светильником в руках.

– Что ты тут делаешь? – спрашивает Клитемнестра. Ее голос эхом отражается от стен, тихий, как трепет крыльев ле-

тучих мышей.

Пенелопа резко оборачивается, выставив вперед светильник.

– Ой, – говорит она. – Это ты.

– Не спится?

Пенелопа трясет головой.

– Они такие чудесные. У нас в Акарнании их мало. – Она то пятится, то подходит ближе, очарованная нарисованной стаей птиц. – Такие яркие, что даже жалко становится, что не ты сам их нарисовал.

Клитемнестра никогда об этом не задумывалась. Она смотрит на воительниц с развевающимися волосами, которые атакуют кабана, и вспоминает, как девочкой часами засматривалась на эти изображения, мечтая стать такой же.

Пенелопа, как обычно, будто бы читает ее мысли.

– Но ты, глядя на них, наверное, всегда думала о том, как бы научиться охотиться и сражаться как они, да?

– Верно.

– Мы с тобой такие разные. Я предпочитаю смотреть на мир со стороны, а тебе нужно быть в самой гуще событий.

– Почему ты остаешься в стороне?

– Потому что мне так больше нравится. Может быть, я боюсь.

Снаружи льет дождь. Им слышно, как капли барабанят по крыше, а в конюшнях ржут лошади. Пенелопа плотнее запахивает надетую поверх ночного платья накидку.

– Я кое-что услышала сегодня на свадьбе, – говорит она. В ее темных глазах золотится что-то похожее на свет лампы, которую она держит в руках. – Сплетню.

– Сплетню? – переспрашивает Клитемнестра.

– Да. О происхождении Елены, – невозмутимо говорит Пенелопа.

Клитемнестра устремляет на сестру строгий взгляд.

– И что говорят люди? – спрашивает она. – Что Леду соблазнил Зевс в образе длинношеего лебедя?

– Нет. Говорят, что он взял ее силой.

Клитемнестра стискивает зубы, прикусив язык.

– Это люди, ты же знаешь, – говорит она. – Им лишь бы злословить.

Пенелопа с любопытством наклоняет голову.

– Так кто же отец Елены?

Клитемнестра подходит ближе. Сначала она думает соврать, но от Пенелопы так просто не отделаться.

– Когда Леда была беременна, во дворце был один муж, – говорит она. – Чужеземец. Мне рассказывали братья. Вернее, Кастор, потому что Полидевк заявляет, что ничего такого не помнит.

– Понимаю.

– Я не знаю, откуда был тот мужчина и был ли он царем. Я знаю только то, что, как припоминает Кастор, Леда частенько пропадала с ним в окрестностях дворца, и что он исчез прежде, чем она родила.

– О, – восклицает Пенелопа, а затем неожиданно улыбается. – Я вижу, ты унаследовала от матери интерес к чужеземцам.

Клитемнестра не улыбается в ответ. Воздух в зале помутнел, словно с улицы пробрался туман и окутал всё вокруг.

– Я устала, – говорит Клитемнестра, намереваясь уйти. Дойдя до двери, она добавляет, не оборачиваясь: – Ты никому об этом не расскажешь, даже Елене.

Ей самой слышны угрожающие нотки в собственном голосе, и она надеется, что Пенелопа тоже их расслышала.

Приходит весть, что Ясон готов отправляться в путь и ждет своих товарищей в Иолке. Дождь не перестает, превращает берега Еврота в болота, а работающих в полях илотов промачивает до нитки. Клитемнестра торопится в конюшни на встречу с Кастором; ее сандалии шлепают по лужам, а руки сводит от холода.

– А я как раз думал о тебе, сестра, – с улыбкой говорит он.

– Я хочу поехать с вами, – выпаливает она.

Кастор хмурит брови.

– В Колхиду?

– Нет, в Иолк. Попрощаться.

Кастор вытирает ладони о тунику.

– Слишком далеко. Туда несколько дней пути. – Брат глядит на нее, и Клитемнестра понимает, что он тоже это чувствует: они не встретятся очень долго. – Я вернусь, я обе-

щаю, – добавляет Кастор.

– Как ты можешь быть так уверен?

– Ясон очень силен. С ним мы будем в безопасности.

Клитемнестра фыркает.

– Ты сомневаешься в нем, – говорит Кастор.

– Разумеется. Ясону хватило глупости поверить своему дяде Пелию. Даже если вы вернетесь живыми, никакой трон он ему не вернет. Он просто хочет увидеть, как Ясон сгинет, пытаясь выполнить его задание. Разве Пелий похож на правителя, который держит свое слово? Он узурпировал трон! А Ээт разве похож на царя, который оставит свои сокровища без присмотра? На царя, которого может одолеть кучка воинов?

Кастор не отвечает.

– Я уезжал сотни раз, – говорит он. – Ты знаешь, что я всегда возвращаюсь.

– В этот раз всё по-другому. Колхида далеко, и там опасно.

– А ты вышла замуж и скоро окажешься в Меонии. – Он подходит ближе. – Наши жизни вот-вот изменятся, – говорит он, – так давай позволим им измениться.

Дождь бьет по крыше конюшни, лошади беспокойно ржут. Перед каждым походом, в который отправлялся ее брат, Клитемнестра всегда приходила в конюшни проститься с ним. А Кастор всегда ее успокаивал.

– Кое-что никогда не меняется, – говорит она.

Он улыбается и берет ее за руки.

– Ты права, – говорит он. – Кое-что никогда не меняется.

Ее руки согреваются у него в ладонях. Она глубоко вздыхает, отстраняется от него и идет ко дворцу так быстро, как только может.

Все разъезжаются с наступлением сумерек: дядя Икарий и Пенелопа отправляются на запад, Кастор и Полидевк – на восток. Земля чернеет в темноте, орошенная обильным дождем. Стоя на террасе перед мегароном, Клитемнестра и Елена наблюдают, как братья покидают город, скачут мимо домов спартиатов, мимо садов и оранжерей, мимо поселений илотов. Они становятся всё меньше и меньше, превращаются в карликов на фоне высоких гор и разрастающейся темноты, пока дождь и туман не проглатывают всех наездников без следа.

Клитемнестра прячет руки в рукавах, чтобы согреться. На мгновение отъезд братьев с силой обрушивается на нее, и она чувствует боль где-то внутри, словно два дерева внезапно с корнями выдрало из земли и вместо них остались лишь две зияющие дыры.

Она смотрит на Елену, взгляд сестры прикован к месту, где растворилась Пенелопа. *«Ты никому об этом не расскажешь, даже Елене»*, сказала Клитемнестра Пенелопе, и она уверена, что Пенелопа не предаст ее доверие. И всё же, глядя на тени на лице сестры, Клитемнестра не может отделаться от ощущения, что та держит в руках хрупкую ракушку и что

она вот-вот ее уронит.

Часть вторая

*Бывает и так, что счастья корабль
Судьба на камень подводный кинет.
Но искусный мореход
Часть добра метнет за борт,
Чтобы легче стал корабль,
Чтобы с мели соскользнул².*

Эсхил. «Агамемнон»

6. В глазах богов

Опавшие листья усыпали влажный песок в гимнасии. Несколько илотов собирают их в большие корзины. Красные и золотистые листья переливаются в руках, покрытых шрамами, как драгоценные камни. Спартиатки в тени деревьев умащивают кожу олеем. Сегодня они будут биться с копьями. Клитемнестра полирует свое оружие, стараясь сосредоточиться.

Прошлой ночью, когда покрывала опутывали их обнаженные тела, Тантал спросил ее, для чего спартанские женщины тренируются. «Чтобы рожать здоровых детей, – ответила она. – И быть свободными». Ее ответ обескуражил Тантала,

² Перевод Соломона Апта.

но допытываться дальше он не стал. Она позволила своим длинным локонам свободно рассыпаться вокруг него, а он мягко коснулся губами ее век.

Она отставляет копьё и поднимает взгляд. Из другого угла двора за ними наблюдает женщина: у нее черные глаза, а взгляд острый, как морские скалы. На ней белый хитон, обнажающий грудь на манер жриц Артемиды. Она слушает, как девушка по имени Лигея рассказывает остальным про взбунтовавшихся илотов.

– Они пришли ночью и убили двух спартанцев, – говорит Лигея, и слушательницы вскрикивают. – Я слышала их крики. Мы все слышали.

– Их поймали? – спрашивает высокая девушка.

– Да, – отвечает Лигея. – Мой отец и еще несколько мужей увели их.

– Их ждут Апофеты! ³ – взвизгивают девушки.

– Не раньше, чем их высекут на алтаре Артемиды, – вмешивается жрица. – Убийство – самое страшное преступление для раба. – Голос у жрицы грубый, неприятный. Девушки стоят, уставившись себе под ноги, боясь возразить. Клитемистра чувствует, как к горлу подкатывает тошнота. Она вспоминает, как жрица приказала выпороть ее и Кастора с Полидевком. Тимандра была последней из детей Тиндарея, кого наказывали подобным образом, кого по приказу жри-

³ Апофеты – расщелина в горах Тайгета, куда спартанцы бросали со скалы слабых младенцев; место казни. (*Прим. ред.*)

цы притащили на алтарь, после того как она отказалась подчиниться отцу. Как и Клитемнестра в свое время, Тимандра не проронила ни звука, пока кровь стекала у нее по спине и смачивала камень.

Позже Тиндарей сказал Клитемнестре, что никогда не стоит доверять слугам богов, но она знала, что даже отец порой бывает бессилён против воли жрицы. Причинить вред жрецу или жрице нельзя – боги этого не допустят, – но вот другим можно. Когда Тимандру высекли, Клитемнестра с Кастором пошли следом за человеком, который исполнял указания жрицы. Когда опустилась черная, безмолвная ночь, они выследили его, точно тени, до того места, где он остановился помочиться – в узенькой, освещенной луной аллее, неподалеку от хижины илотов. У него на поясе висел клинок, и Клитемнестра заподозрила, что он пришел туда, чтобы убить парочку илотов, просто развлечения ради. Она частенько видела, как это делали другие спартанцы. Она чувствовала какое-то извращенное удовольствие от того, что собирается причинить боль тому, кто хотел причинить ее другим, – словно возвращала форму чему-то перекошенному. Кастор бесшумно зашел ему за спину, а Клитемнестра в это время стояла на страже. «Убедись, что тебя никто не видит» – первое правило, которое спартанцы усваивают с самого детства. Можешь воровать, можешь отнимать жизнь, но если тебя поймают, ты будешь наказан. Поэтому Клитемнестра смотрела по сторонам, когда Кастор полоснул того человека

по икре. После этого брат с сестрой очертя голову бросились в ночь, оставив мужчину кричать у них за спиной.

– Клитемнестра, ты хорошо себя чувствуешь?

Жрица смотрит прямо на нее. Ее лицо обрамляют густые волосы, а руки белые, как кость. На мгновение Клитемнестра страшится, что она может прочесть ее мысли.

– Да, – отвечает она.

– Ты выглядишь слабой, – упорствует жрица.

Да как она смеет?

– Я не слабая.

Жрица сощуривает глаза. Когда она начинает говорить, ее голос шипит, как раскаленный клинок, который закаляют водой:

– Все слабы в глазах богов.

Клитемнестра прикусывает губу, чтобы промолчать. Она чувствует, как сестра касается ее руки, и отворачивается.

– Мы готовы, – говорит Елена. Жрица в последний раз окидывает их взглядом, а затем делает шаг назад. Елена дожидается, пока она отойдет, и говорит: – Может, тебе не стоит тренироваться? – Она глядит на Клитемнестру, нахмутив брови. – Ты вся в поту.

– Я отлично себя чувствую, – лжет Клитемнестра.

Все девушки собираются вместе на песке: некоторые держат бронзовые и деревянные щиты, у остальных одни лишь копья. В тени деревьев появляется Леда, а с ней – широкоплечий муж, Лисимах – один из вернейших воинов Тинда-

рея. Клитемнестра отворачивается от них. Каждый раз, когда Леда приходит посмотреть, как она тренируется, она изо всех сил старается впечатлить мать, но сегодня ей нездоровится: желудок крутит, руки трясутся. Она сжимает кулаки, чтобы унять дрожь. Лисимах раздает всем *ксифосы*, короткие мечи со слегка изогнутым лезвием. Клитемнестра привязывает свой к поясу, которым подвязан ее хитон.

– Разделитесь по группам, – говорит Леда. – И начинайте практиковаться с копьями. Те из вас, у кого щит, помните: вы тоже можете использовать его как оружие.

Лисимах начинает ходить вокруг девочек, пока те делятся для состязания на группы по трое и по четверо. Клитемнестра оказывается вместе с Эвполией, Лигеей и какой-то низкорослой девочкой, похожей на бродячую кошку. Она с облегчением замечает, что Киниска тщательно избегает ее, как любой старался бы избежать отравленного клинка.

Они начинают с тренировки меткости. Все девушки рисуют небольшие круги на песке с одной стороны площадки, а затем собираются на противоположной, чтобы постараться попасть в цель. Они подпрыгивают, согнув правую руку над плечом, и со всей силы метают копья в землю. В группе Клитемнестры все, кроме Лигеи, попадают в цель. Но спартанцы никого не оставляют позади, поэтому они продолжают упражняться, пока Лигея тоже не попадает копьем в центр круга.

Затем начинается состязание. Каждая группа по очереди

выталкивает в центр одну из девочек, а остальные три ее атакуют. Эвполия идет первой. Пока остальные выступают вперед, она поднимает щит так, что он закрывает ее от подбородка до коленей. Лигея метко управляет копьем, в то время как низкорослая девочка прыгает вокруг Эвполии, выискивая слабое место. Когда Клитемнестра бросается на щит Эвполии, коротышка быстро выхватывает ее копье и откидывает в сторону. Вдвоем они валят соперницу наземь и начинают кататься в песке.

– Используйте свои ксифосы, – напоминает Лисимах. – Цельтесь в глаза и шею.

Клитемнестра хватает свой клинок и целится им в шею Эвполии, а Лигея сильно пинает ее по лицу.

– Хорошо, – говорит Леда.

Они останавливаются. Помогают друг другу подняться, хлопают Эвполию по спине. Когда приходит очередь Лигеи состязаться против троих, долго она не выдерживает. Коротышка же умудряется оставаться на ногах на удивление долго, быстро размахивая своим копьем, чтобы отогнать соперниц, пока те безуспешно пытаются предугадать ее движения. В конце концов Эвполии удастся ухватить ее копье за накопечник, кровь начинает стекать у нее между пальцев, а Клитемнестра тем временем переламывает кизиловое древко надвое.

– Хорошо, – говорит Лисимах. – Но тебе нужно учиться держаться дольше. Нужно найти лучшую тактику, чтобы

отгонять своих соперников. Используй ноги, чтобы держать равновесие. Если ты теряешь равновесие, то тебе конец. – Он указывает на сломанное копьё на земле. – Кто-то отнял твоё оружие? Ты не теряешься, а находишь способ уравнять силы.

Настает очередь Клитемнестры. Эвполия вытирает окровавленные ладони о свой хитон и берется за копьё. Коротышка берет новое. Лигея сдувает с лица черные пряди и хватается за свой щит.

Все девушки атакуют разом, набрасываются на нее точно трехглавая змея. Клитемнестра уворачивается и одновременно выбрасывает вперед копьё. Эвполия бьет по нему, но Клитемнестра избегает атаки. Лигея пыхтит под тяжестью щита. Клитемнестра делает еще один выпад, бронза скрежещет по металлу, когда наконечник копья царапает круглый щит.

Их поединок длится дольше, чем все остальные. Они спиралью передвигаются по всей площадке, прыгают вперед-назад, копьё девушек мелькают то тут, то там, нацеленные Клитемнестре в голову, шею и руки.

– Повалите ее! – кричит Лисимах. – Повалите на землю!

Но Клитемнестра продолжает уворачиваться от их копий. Она ударяет ногой по щиту Лигеи с такой силой, что та теряет равновесие. Клитемнестра пользуется возможностью и отбрасывает ее щит в сторону. Коротышка спешит к Лигее, чтобы помочь ей подняться, а Эвполия в это время хватается

копье Клитемнестры за древко. Несколько секунд они почти не двигаются, каждая тянет копье в свою сторону. Тогда Клитемнестра одной рукой выхватывает свой клинок и царапает Эвполию щеку. Та пятится назад, оставляя на древке кровавые отпечатки. Клитемнестра готовится к новой атаке. Она крепче сжимает в руке клинок, но тут ее, словно удар молнии, накрывает тошнота. Она спотыкается, чувствует, как начинает задыхаться, будто бы оказалась под каменной плитой. В воздухе мелькает ксифос Эвполии, и Клитемнестра тут же чувствует боль в щеке. Она с силой бьет Эвполию по лицу и старается снова обрести равновесие, но теперь она вся дрожит, голова начинает кружиться. Три девушки начинают ее теснить, и в этот момент ее выворачивает прямо на песок.

– Остановитесь! – приказывает Леда.

– Что произошло? – спрашивает Лисимах, но Леда уже опускается на колени рядом с дочерью.

– Поднимайся. Мы возвращаемся во дворец, – приказывает она Клитемнестре. Она пытается помочь ей подняться, но Клитемнестра чувствует, как бурлит живот, как сотрясается желудок. Она испытывала такое лишь однажды, когда увидела на берегу гниющие трупы лошадей после сражения спартанцев с какими-то мятежниками-илотами. Ее снова тошнит, рвота растекается по песку. Лигея с отвращением пятится. Все девушки поглядывают на Клитемнестру с любопытством. На мгновение воцаряется тишина, похожая на

тишину у алтарного камня, когда животное уже принесли в жертву, его кровь капает, а птицы всполохом разлетаются во все стороны.

– Я велела тебе подняться, Клитемнестра, – повторяет Леда.

Клитемнестра открывает глаза. Она хватается за руку матери и с трудом встает на ноги.

– Меня отравили? – спрашивает она.

Ее мать качает головой:

– Пойдем со мной.

Леда ведет ее во дворцовую кухню. Клитемнестре становится еще хуже, но мать всё равно тащит ее по коридорам, не давая остановиться.

Елена держится рядом.

– Мне позвать Тиндарея, мама? – спрашивает она, но Леда не отвечает.

На кухне две женщины нарезают тростник и фрукты. На большом деревянном столе висят горки миндаля, понтийского ореха и айвы. В углу комнаты, в золотистом свете факелов илотка лет тринадцати растирает в ступке мелкие черные оливки. В комнате пахнет маслом и спелыми абрикосами, хотя ни того, ни другого нигде не видно.

Леда подталкивает Клитемнестру вперед. «Проверьте ее», – приказывает она женщинам. Они сразу же оставляют тростник и подходят к Клитемнестре поближе. У обеих

длинные волосы, но у одной сухие и грязные, а у другой блестящие, буйные, с волнами, напоминающими ночной океан. Они берутся за верхнюю часть ее туники и стягивают через голову. Клитемнестру внезапно охватывает головная боль, такая сильная, что она почти слепнет. Пошатнувшись, она садится на пол. Женщины больно щиплют ее за грудь. Открыв глаза, она видит, что Елена смотрит на нее, положив руки ей на плечо.

– Сколько раз ты была с Танталом? – спрашивают женщины.

Клитемнестра пытается собраться с мыслями: «Вы спрашиваете...»

– Сколько раз он был в тебе?

– Я не...

– Когда у тебя последний раз шла кровь?

– Давно. – Ее снова тошнит, прямо на пол, где стоят мешки пшеницы. Женщины смотрят сердито.

– Елена, позови Тантала, – говорит Леда. – А потом сообщи своему отцу, что твоя сестра беременна.

Маленькие ножки Елены исчезают из поля зрения Клитемнестры. Она слышит, как сестра бежит по коридорам, так тихо, словно птица шелестит крыльями. Леда гладит ее по волосам, точно перепуганную собаку, а сама шепчет что-то женщинам. Клитемнестра силится разобрать слова, но их голоса слишком слабы, а ее недуг слишком силен. Рядом с ней девочка-илотка убирает рвоту.

– Выпей это, – говорит Леда, поднося к ее губам небольшую чашку. Запах отвратительный, Клитемнестра пытается увернуться, но Леда ее удерживает. Клитемнестра пьет и внезапно чувствует усталость, ее веки невольно начинают смыкаться. Она склоняет голову на мешки, не ощущая рук и ног. *Я беременна*, думает она. *Мои тренировки кончились*.

Она сидит на кровати; никогда еще она не чувствовала себя так плохо. Леда дала ей какие-то травы, чтобы растереть и размешать в вине, но ей не нравится ощущение оцепенения, которое они приносят.

После свадьбы слуги перенесли все ее вещи в комнату Тантала, и теперь она таращится на голую стену, мечтая, чтобы мир перестал вращаться.

– Мне необходимо будет ненадолго вернуться в Меонию, – говорит Тантал. Он всё ходит по комнате взад-вперед; его стройную фигуру облегает плащ. Он прибежал на кухню сразу же, как только услышал новость, его глаза сверкали, как снег на солнце. Она никогда не видела его таким счастливым.

– Для чего тебе нужно вернуться? – шепотом спрашивает Клитемнестра. Ее голос похож на карканье вороны.

– Объявить о будущем наследнике. К тому же меня не было несколько месяцев. Нужно убедиться, что там всё в порядке и мы сможем приехать спокойно. Я оставил вместо себя своих самых верных советников, но возвращаясь обратно,

я всегда осторожен. Неразумно позволять человеку засиживаться на троне, если он не царь.

Она закрывает глаза в бесплодной попытке унять головную боль.

– Зима еще не пришла, – говорит он, глядя ее по лицу. – Так что погода нас не задержит. А весной я вернусь – еще до того, как родится ребенок.

– Возьми меня с собой, – говорит она.

– Мы отправимся вместе после родов. После того как мы уедем, ты еще много лет сюда не вернешься. Твои братья только что отбыли. Я не уверен, что твоя семья готова расстаться еще с одним из вас так скоро.

Он прав, думает она. Несколько месяцев. К тому же ее родители должны увидеть младенца, когда он родится, убедиться, что он крепкий и здоровый, – она не может лишиться их этого.

– Народ Меонии решит, – говорит она слабым голосом, – что я не такая, как ты.

– А ты и есть не такая. – Он смеется. – И они полюбят тебя за это, так же как и я.

Он прикладывает голову к ее сердцу, и она обмякает в его объятиях.

В их последнюю ночь перед его отъездом они лежат на простынях обнаженные и прислушиваются к тишине дворца. Комната похожа на грот, сквозит прохладный ветерок, но он

приятно ощущается на коже.

Тантал говорит ей, что в Меонии никогда не бывает тихо. Там есть птицы, которые поют по ночам, на каждой улице и в каждом коридоре горят факелы, у каждой двери стоят слуги и стража. Но тишину можно найти и там: в садах или в тени колоннад. Воздух там напитан ароматом роз, а на стенах дворца изображены грифоны и другие удивительные существа.

Его рука огибает ее тело, а дыхание щекочет голову.

– А наш ребенок? – спрашивает она. – Он будет учиться и вырастет сильным воином?

По крайней мере, если она носит сына, ей не придется отдать его в обучение, как всем спартанским женщинам.

– Ты сама будешь его учить, – говорит Тантал. – Ты будешь царицей и сможешь поступать как пожелаешь.

Она целует его грудь и чувствует пряный аромат масел, которые он использует. Он обхватывает ее лицо ладонями и притягивает ближе. Она кожей чувствует, как бьется его сердце. Она чувствует, как желание разливается у нее по венам, дает сердцу отяжелеть от томления. За окнами блестит бледная, сияющая луна, купая в свете их тела, словно они – боги.

Когда она просыпается, постель холодна, Тантала нет, а комната кажется совершенно неподвижной. Изнутри поднимается тошнота. Чтобы унять ее, она старается думать о

счастливых временах.

Клитемнестра вспоминает, как играла с сестрой и братьями в прятки. Однажды, пытаясь спрятаться от Полидевка, они с Еленой прокрались в дальнюю деревню илотов. Деревянные лачуги, в которых жили илоты, увязали в грязи; улочки были узенькие и усыпанные отбросами. Бродячие коты и собаки рыскали в поисках падали, за оградами в тени отдыхали козы и свиньи. Елена выглядела испуганной, но продолжала идти, держа Клитемнестру за руку. Несколько ребятишек, тощих и костлявых, как окружающие их собаки, сидели в грязи и играли со свиньями. Они глядели на Елену и Клитемнестру своими большими, блестящими глазами; их тельца были хрупкими, как череп младенца.

– Давай найдем, где спрятаться, – сказала Елена, на лице ее отразилась жалость. Клитемнестра шла дальше, пока не обнаружила какой-то зловонный амбар. Она поспешила внутрь, таща Елену за собой. На полу лежал слой пыли и помета; духота внутри стояла невыносимая.

– Он никогда нас здесь не найдет, – удовлетворенно сказала Клитемнестра. Свет, просачивающийся между деревянными балками, полосами ложился на их лица. Чтобы скоротать время, они принялись выскивать на полу белые камешки.

– Мне здесь не нравится, – сказала Елена спустя некоторое время.

– Кто ничем не рискует, тот ничего не стоит, – процити-

ривала Клитемнестра. Так однажды сказал отец.

– Но здесь гадко, – парировала Елена. – И если нас здесь поймает жрица...

Клитемнестра уже было собиралась ответить, когда вдруг увидела ее – голову змеи, притаившейся в темноте. Змея была серая, с полосками на спине.

– Не шевелись, – скомандовала Клитемнестра.

– Почему? – спросила Елена, обернулась и застыла. – Она ядовитая? – Когда Клитемнестра не ответила, Елена сказала: – Думаю, да. Она не буро-желтая...

Потом в один миг произошло сразу несколько вещей. Клитемнестра отступила ко входу в амбар. Елена завизжала. Змея нанесла удар резко, как меч, но прежде, чем клыки успели коснуться руки Клитемнестры, ее голову пронзило копьё. Затем в амбар, хватая ртом воздух, вбежал Полидевк. Он вытащил свое копьё из змеиной головы и осмотрел наконечник, на котором остался яд. Отпихнув змею ногой, он обернулся к сестрам.

– Нашел, – улыбнулся он. – Вы проиграли.

Елена рассмеялась, а Клитемнестра покачала головой, благоговей перед стремительностью брата. *Губитель ящеров*, так спартанцы зовут наконечники своих копий.

Позже, когда они возвращались в гимнасий, Клитемнестра взяла Елену за руку. Рука сестры была теплая и гладкая.

– Мне жаль. Ты испугалась, а мы не ушли.

Елена потрясла головой:

– Я не испугалась, – сказала она. – Я ведь была с тобой.

Это воспоминание отзывается странным привкусом во рту. Тогда они с Еленой были друг для друга всем. Но ничто не остается неизменным. В одну реку нельзя войти дважды.

Ее живот растет; кожа на груди растягивается. Тошнота постепенно проходит. Иногда она накатывает волнами, как прилив, но потом отступает так же быстро, как и появилась.

Отсутствие Тантала словно тень – она чувствует ее, но как только оборачивается взглянуть, ее уже нет. Она решает не смотреть на тень и избавиться себя от ненужных мучений. Через несколько месяцев он вернется, родится ребенок, его покажут старейшинам и ее семье. После этого она отправится на восток и станет царицей людям, чьи обычаи ей незнакомы.

С кухни приходят служанки, чтобы подстричь ей волосы. Они сажают Клитемнестру на стул, расчесывают ее длинную каштановую гриву, а затем отсекают ее острым ножом. Клитемнестра вспоминает, как другие женщины при дворце на ее глазах проходили этот путь от девочки к женщине, от дочери к матери. После этого их волосы устилали пол подобно ковру, и они с Еленой наступали на них, чтобы ногам было щекотно.

В чаше с водой, которую принесли служанки, она видит свое отражение, прикасается к кончикам коротких волос и думает, что такая прическа идет ей больше: открывает глаза

и скулы.

Приходит и жрица, касается своими бледными холодными руками ее живота.

– Боги наблюдают за всеми нами, – говорит она своим скрипучим голосом, напоминающим крик чайки. – Они благословляют тех, кто предан им, и карают остальных.

Она не говорит, благословят или покарают ли боги Клитемнестру, но для нее это не имеет значения. Ребенок, которого она носит, будет наследником трона Меонии, и жрица ничего не может с этим поделать. Поэтому Клитемнестра молча слушает ее мрачные слова, пока той не приходит время возвращаться в храм.

– Тебе страшно уезжать? – спрашивает Елена.

Они вместе стоят перед ванной и смотрят на горячую воду, поблескивающую в свете факелов. Из небольшого окна льется свет закатного солнца, окрашивая их кожу в розовый и оранжевый цвета. Спарта выглядит отсюда кучкой деревень, разбросанных вдоль берегов Еврота, как разбредшееся стадо бурых коз. Тантал часто говорил Клитемнестре, что в сравнении с его землей долина представляет собой жалкое зрелище. Но ей всё равно будет не хватать вида на горы с укутанными облаками вершинами.

– И ты скоро уедешь, – говорит Клитемнестра, снимая хитон и забираясь в ванну. Ее кожу омывает теплая вода. Елена начинает мыть сестру; пальцы ее покрыты пахучим мас-

лянистым мылом.

– Почему именно женщины всегда должны уезжать? – спрашивает она. Елена по-прежнему думает, что у Клитемнестры есть ответы на все ее вопросы, как было в детстве.

Почему именно женщины всегда должны уезжать? Клитемнестра повторяет в голове эти слова до тех пор, пока они не теряют смысл. У нее нет ответа. Она знает лишь, что ее отъезд не кажется наказанием, скорее благом. Сейчас ее жизнь подобна открытому морю: вокруг одна вода, никаких берегов на горизонте, мир полон возможностей.

Елена ненадолго замолкает. Она разглядывает тело сестры, и в глазах у нее горит какой-то незнакомый огонек. Они видели друг друга нагими сотни раз, но теперь всё по-другому. Руки, ноги, бедра, шея – ко всему, до чего дотрагивается Елена, уже прикасался Тантал, и они не могут делать вид, что этого не было. Его след остался глубоко внутри, еще невидимый, и всё же он там, и скоро он изменит тело Клитемнестры, – оно нальется, поспеет. В глазах Елены блестит изумление, и еще есть какая-то тревожность в том, как она держится за плечи Клитемнестры растирая их губкой, в том, как усердно она отжимает ее волосы.

Клитемнестра не обращает на это внимания, просто слушает, как капает вода. Она понимает переживания сестры. Елене придется воочию наблюдать свой самый большой страх: как тело сестры постепенно будет становиться не таким, как ее тело, и в конце концов между ними не останется

никакого сходства.

Когда вода остывает, Елена встает и отходит от ванны. Ее глаза сияют, она собирается сообщить сестре нечто особенное.

– Мама сказала, что скоро сюда придут двое братьев, – говорит она. – Сыновья Атрея из Микен. Они были изгнаны и попросили Тиндарея о помощи.

Когда Клитемнестра ничего не отвечает на это, Елена добавляет:

– Атрей тот муж, что убил детей своего брата и скормил их ему. Помнишь, Кастор рассказывал нам?

Клитемнестра пристально смотрит на сестру.

– Ты не обязана уезжать, если не хочешь. Твое будущее может быть таким, каким ты пожелаешь.

Эти слова звучат как заверение, Клитемнестра произносит их разборчиво и четко, но они как будто бы меркнут в полумраке комнаты.

Елена опускает глаза и печально улыбается:

– Возможно, для тебя всё и может быть так просто. Но не для меня.

На этом она уходит и возвращается в комнату, которую они делили всю свою жизнь.

Когда солнце садится за горы, а небо приобретает цвет серебра, долину вдоль змеящейся реки пересекают фигурки двух всадников. Агамемнон и Менелай скачут в одиноче-

стве, лошади несутся так, словно их преследуют. Ночь тиха, и долина выглядит как пустая ракушка, которая скоро наполнится жестоким эхом.

7. Сыновья Атрея

Она стоит у дверей мегарона, невидимая за колонной. Сцепив руки и затаив дыхание, слушает, как сыновья Атрея беседуют с ее отцом.

У Агамемнона сильные, покрытые шрамами руки и алчный, умный взгляд. У него несимметричное лицо – сплошь резкие линии и углы, – а в том, как он глядит, есть что-то пугающее, словно он высматривает слабые места окружающих. Менелай похож на брата, но лишь отдаленно, так же как рысь похожа на льва. Он стройнее и привлекательнее, а в его чертах нет того коварства, которое проступает на лице Агамемнона.

Они прибыли поздно ночью, их лошади загнаны до полусмерти. Слуги сгрудились вокруг колонн у входа во дворец, желая узреть братьев-изгнанников, обреченных отпрысков микенского царя. Тиндарей принял их, хотя на мече Агамемнона всё еще была кровь, а на щеке Менелая – свежий порез. Они спасались бегством, и принять их в своем дворце было долгом Тиндарея. В их краях гость священен, невзирая на его дела и преступления.

– Микены были взяты силой и обманом, – говорит Тиндарею Агамемнон. – Наш двоюродный брат Эгисф убил нашего отца и теперь правит там с нашим дядей Фиестом.

– Но люди презирают и отца, и сына, – добавляет Менелай.

– Обман правит во всей вашей семье, – холодно говорит Леда. – Дом Атрея проклят.

Агамемнон делает шаг вперед, словно собирается броситься на нее, и Клитемнестра чуть было не делает то же самое. Когда мать бросает взгляд в ее сторону, она скрывается за колонной. Тиндарей приказал всем выйти из мегарона, после чего ей захотелось подслушать их разговор еще сильнее.

Менелай хватается за руку брата, словно желая его удержать. Агамемнон не двигается.

– Мы вернем Микены, – говорит Менелай. – И мы будем править.

Повисает короткая пауза. Тиндарей молча смотрит на них, а потом просит принести еще вина. Девочка-служанка подсакивает со своего места у подножия трона и спешит прочь из зала. Когда она проходит мимо Клитемнестры, их взгляды на секунду встречаются. Две девушки в тени с горящими глазами, никем не замеченные. Клитемнестра прикладывает палец к губам – и служанка спешно проходит мимо.

– Разве ваш дед не замыслил убить своего гостеприимца и тестя в состязании на колесницах? – спрашивает Тиндарей.

– Это так, – отвечает Менелай. Агамемнон напряженно молчит.

– А ваш отец Атрей... Разве он не убил своего единокровного брата Хрисиппа?

– Убил. И был изгнан за это. Сослан в Микены.

– Значит, Микены не всегда принадлежали Атридам, – говорит Тиндарей, используя имя Атрея для всего их рода. – Кто правил городом, когда туда сослали вашего отца?

– Царь Еврисфей, – отвечает Менелай. – Но он отсутствовал, участвовал в сражениях, поэтому наш отец взошел на трон без боя.

Тиндарей открывает рот, чтобы заговорить, но Агамемнон его опережает:

– Микенский народ нас уважает. Микены влиятельный город, ему суждено стать великим. Царь Еврисфей погиб в бою вдали от дома и не провозгласил никого наследником. Наш отец забрал то, что мог забрать. Наш дом проклят за ложь наших предшественников, а не за наше честолюбие. – Он произносит каждое слово отчетливо и неспешно, его голос спокоен и решителен.

В лице Тиндарея что-то меняется. Клитемнестре незнакомо это выражение, и оно ей не нравится. Леда подается вперед, чтобы что-то сказать, но Тиндарей останавливает ее.

– Сыны Атрея, – его голос отчего-то смягчился, – в наших землях чтут узы между хозяином и гостем, и я не стану тем, кто их разорвет.

Агамемнон преклоняет колени, и Менелай следует его примеру. Всего на мгновение Клитемнестра видит, как ее мать бросает на отца взгляд, полный крайнего изумления. Затем, прежде чем братья успевают подняться и заметить ее, она выскальзывает из залы настолько бесшумно, насколько

может. В ней поднимается гнев, жжет ей грудь, но она не может его объяснить.

В присутствии Агамемнона дворец меняется. Служанки начинают опасаться его: мгновенно умолкают при его приближении, а когда им нужно пройти мимо, спешат сделать это как можно скорее. Они избегают его как могут, но у некоторых – тех, кто готовит ему ванну и прибирает в комнате, – появляются синяки на лице и руках. Во время ужинов они подливают ему вино и не поднимают взгляд, пока он тарашится на их груди и лица.

Но мужчины, похоже, его уважают. Агамемнон и Менелай начинают ходить в гимнасий, где тренируются спартанские воины. Вскоре все мальчишки только и говорят о том, как сыновья Атрея бросают вызов молодым мужам и побеждают в каждом состязании. Для Спарты это нечто неслыханное: обычно гости и приезжие держатся подальше от тренировочных площадок.

Удивительно наблюдать за подобной переменой. Залы и коридоры остались такими же: сплошь голые стены и темные уголки, – но где-то на поверхности мерцает новый свет, обещание насилия. Клитемнестре это напоминает небо: серое и разбухшее, сплошь затянутое облаками, но так и не проливающееся дождем. Просто измор, пустая угроза.

– Если ты будешь драться, думая, что можешь одержать

победу, то так и будешь проигрывать, Тимандра.

Клитемнестра нависает над младшей сестрой, ногой прижимая ее к полу террасы. Теперь, когда она носит ребенка, ей больше нельзя тренироваться в гимнасии, но она находит другой способ держать форму, пока разрастается ее живот: она состязается с сестрой, скачет на лошади, а по вечерам, когда тренировочная площадка пустеет, стреляет из лука и метает копья. Это отвлекает ее от мыслей об отсутствии Танта.

Несмотря на холодный зимний ветер, солнце светит ярко, а земля у них под ногами еще хранит тепло. Елена сидит в углу и посмеивается над попытками Тимандры одолеть сестру. Когда Клитемнестра отпускает ее, Тимандра корчит рожу и пытается ее ущипнуть.

– Когда проигрываешь, не позволяй никому видеть свою злость, – говорит Клитемнестра. Она ставит Тимандре подножку, и та снова падает, сохраняя самое невозмутимое выражение лица, на которое только способна. Но у нее всё равно пылают щеки, и Елена снова смеется.

Они слышат торопливые шаги, и на террасе появляется служанка с медом и хлебом. Она преклоняет колени рядом с Еленой, чтобы передать ей блюдо, стараясь не столкнуться с Тимандрой и Клитемнестрой, пока те борются.

– Подожди, – говорит Елена и хватается илотку за руку. Девушка останавливается, осторожно ставит блюдо. На ее щеке громадный синяк, такие появляются от встречи с рукоятью

клинка. Позади них Клитемнестра берет Тимандру за руку и делает вид, что выкручивает ее.

– Видишь? – говорит она. – Тебе нужно двигаться в эту сторону.

– Кто это сделал с тобой? – спрашивает Елена. Девушка не отвечает. – Говори, – приказывает Елена.

Илотка неразборчиво шепчет что-то, уткнувшись взглядом в землю. Клитемнестра перестает атаковать Тимандру, всё ее тело мгновенно напрягается.

– Что происходит? – спрашивает она.

– Покажи ей свою щеку, – приказывает Елена. Илотка подчиняется: на свету ее взмокшая кожа с синяком выглядит гниющей. Заскучавшая Тимандра тянет сестру за рукав.

– Это сделал Агамемнон, так ведь? – спрашивает Клитемнестра. Служанка кивает. Синяк по краям уже начал зеленеть. – Он взял тебя силой? – не успокаивается Клитемнестра, ее голос потрескивает от гнева. Тимандра отпускает ее рукав и настороженно всматривается в лица сестер.

Илотка качает головой.

– Его не интересуют служанки, – бормочет она.

– Тогда зачем же он тебя ударил?

Девушка пожимает плечами.

– Можешь идти, – мягко говорит Елена. Илотка бросает через плечо испуганный взгляд, словно желая убедиться, что их никто не подслушал, а затем уходит; черные волосы покрывают ее голову, как промасленный ковер.

– Мы должны сказать матери, – говорит Елена. – Такое происходит не в первый раз. Ты видела тех бедных женщин, что готовят ему ванну?

– Как ты думаешь, почему он не спит со служанками? – спрашивает Клитемнестра. Она видела, как Агамемнон хватал девиц, и знает, что Менелай часто забирает самых хорошеньких служанок в свои покои.

– Я не уверена, – говорит Елена, – но мне кажется, что он желает только власти и больше ничего.

Облака собираются в небе, точно овцы на пустой лужайке. Клитемнестра чувствует, как внутри поднимается тошнота.

– Может, нам пойти внутрь? – встревоженно предлагает Елена.

Клитемнестра кладет руку на живот и чувствует, как содрогается желудок. Она с силой толкает Тимандру.

– Мы еще не закончили.

Тимандра отшатывается и стискивает кулаки. Она бросается вперед, искря пылом, но Клитемнестра уворачивается от нее. Они борются, оголтело наносят друг другу удары. Ими движут гнев и страх, жестокость шевелится под кожей, как горстка личинок.

Облака у них над головами темнеют, превращаясь в синие-черные синяки, рассыпанные по всему небу.

Они находят Леду в мегароне, сидящей на троне Тиндарея. Она попивает вино из большой чаши, в ее волосах зо-

лотится венец. У нее на коленях притулилась Филоноя, иссиня-черные волосы спадают ей на лоб мягкими прядями.

– Что случилось? – спрашивает Леда. Голос у нее осипший, словно она не до конца проснулась. Елена и Клитемнестра подходят ближе, и запах вина становится сильнее.

– Ваш отец на охоте, – говорит Леда. Филоноя ерзает на коленях матери, ища удобное положение.

Елена откашливается:

– Мы искали тебя, мама.

– Хм-м, – бормочет Леда.

– Агамемнон избил еще одну служанку, – говорит Клитемнестра, отчетливо произнося каждое слово.

Тишина. Вдруг, к их величайшему удивлению, Леда начинает смеяться. Ее голос эхом разносится по залу, словно бой военного тимпана, а затем гаснет в тишине. Филоноя пугается.

– Я не удивлена, – отвечает Леда наконец. – А вы?

Елена и Клитемнестра обмениваются быстрыми взглядами.

– Нужно отослать его обратно в... – начинает Елена, но Леда перебивает ее.

– Ваш отец его не отошлет, – отвечает она. Ее голос холоден и резок. Она отпивает еще вина, отчего ее губы окрашиваются в пурпур.

– Не отошлет? – спрашивает Елена.

Леда качает головой и гладит Филоною по волосам.

– Кто из богов лучше обращается с луком: Аполлон или Артемида? – спрашивает Филоноя, блуждающая где-то в собственных мыслях.

– Оба, – бездумно отвечает Леда.

– Я хочу стать лучницей, как Артемида, – заявляет Филоноя.

– Так иди и упражняйся.

– Сейчас я устала, – стонет девочка.

– Ты думаешь, Артемида когда-нибудь устает? Думаешь, она жалуется? – Леда повышает голос, ее щеки вспыхивают. Она прилично пьяна. Фыркнув, Филоноя спрыгивает с коленей матери и устремляется прочь из мегарона. Леда подливает себе еще вина. – Ваш отец не отошлет Атридов, потому что они напоминают ему самого себя в молодости.

Клитемнестра собирается возразить, но Елена ее опережает:

– У Тиндарея нет с ними ничего общего.

– Когда-то было. Его единокровный брат Гиппокон изгнал их с Икарием так же, как теперь изгнаны Агамемнон и Менелай.

– Я ничего об этом не знала, – говорит Клитемнестра.

– Тебя тогда еще не было. Когда умер ваш дед Эбал, Тиндарей стал царем Спарты. Но Гиппокон был жесток и завистлив. В гимнасии он вызывал юнцов на состязание лишь для того, чтобы забить их до смерти. Ваш отец говорил, что он всегда был таким, потому что его не любили так, как ваше-

го отца и Икария. Он не был сыном Горгофоны, понимаете? Его родила Эбалу другая женщина.

Клитемнестра мельком глядит на Елену, которая не сводит глаз с собственных ступней.

– Как только Тиндарей стал царем, Гиппокон его свергнул.

– Но как? – спрашивает Клитемнестра. – Спартанцы ведь наверняка любили отца.

– У Гиппокона уже тогда имелось много сыновей от многих женщин. Большинство из них были рабынями. Он заделал их всех, когда ему было не больше пятнадцати. Когда ваш отец занял трон, сыновья Гиппокона были уже совершеннолетними, готовыми сражаться за отца и за свое наследство. Икария и Тиндарея изгнали, а Гиппокон занял трон, расправился со всеми, кто пытался восстать против него, и принес в жертву несколько илотов, чтобы заслужить расположение богов.

Елена выглядит потрясенной; Клитемнестра кусает губы. Она многого не знает о своем отце, о своей земле. Жизнь в Спарте иногда напоминает болото: тебя окружает трясина и лишь взгляд волен двигаться в поисках неминуемых опасностей. Но стоит попытаться заглянуть чуть дальше, трясина тут же засасывает.

– Ваш отец попросил помощи у Геракла, – продолжает Леда.

– Величайшего из греческих героев, – шепчет Елена. Леда кивает.

– Почему Геракл стал сражаться за Тиндарея? Какая ему была выгода? – спрашивает Клитемнестра.

– Гиппокон не принял Геракла, когда тот искал убежища в Спарте. Поэтому Геракл убил Гиппокона и его сыновей, а ваш отец вернул себе трон.

Теперь Клитемнестра понимает. Тиндарей не отказался принять двух воинов, оказавшихся в нужде, чтобы не повторить ошибку Гиппокона. Но как он может не видеть, что Агамемнон и Менелай жестоки, что у них нет чести? Ее отец всегда хорошо разбирался в людях.

– Так или иначе, ваш отец сегодня разгневан, – говорит Леда, прервав собственные рассуждения. – Поэтому он и отправился на охоту.

Голос матери звучит резко, и, прежде чем спросить, Клитемнестра собирается с духом, словно в ответ может последовать удар:

– Почему?

– Жрица принесла новое пророчество.

– Отец не верит в пророчества.

– Что ж, на этот раз он расстроен.

– Потому что он знает, что это правда, – произносит хриплый голос позади них. Клитемнестра оборачивается так резко, что едва не сворачивает шею.

Жрица идет по направлению к трону: ее черные волосы разделены прямым пробором, ноги двигаются бесшумно, словно листья, влекомые потоком. Леда выпрямляет спину,

на ее лице отчетливо проступает отвращение. Ни для кого не секрет, что она ненавидит жрицу. «*Жестокая женщина, высасывающая из других силу*», – так Леда сказала о ней, когда Клитемнестра спросила, почему она всегда уходит, когда жрица является во дворец поговорить с царем.

– Тебя кто-то призывал сюда? – спрашивает Леда.

Жрица останавливается в паре шагов от них; ее руки торчат из рукавов, точно когти.

– Я здесь, чтобы донести пророчество до твоих дочерей.

– Тебя никто не призывал.

Жрица пропускает замечание Леды мимо ушей.

– Афродита гневается. – Она обращается к Елене и Клитемнестре. – Ваш отец никогда не приносил ей жертв.

– Вы разве не должны служить Артемиде? – спрашивает Клитемнестра.

Жрица впивается в нее взглядом. Когда она снова заговаривает, ее голос скрежещет, словно кто-то водит лезвием по стеклу.

– *Дочери Леды выйдут замуж дважды и трижды. И покинут своих законных супругов.* – Она смотрит на них, как на жертвенных зверей. – Таково пророчество.

Клитемнестра не сводит со жрицы глаз. Она покинет своего супруга? Как можно даже помыслить об этом?

– Такова воля богов, – говорит жрица. – Одни будут вас презирать, другие ненавидеть, и вы понесете наказание. Но в конце концов вы будете свободны.

Елена поворачивается к матери. Она явно сбита с толку. Жрица никогда не сообщала пророчества им лично, не говоря уже о том, что ее предсказания никогда их не касались. Леда кладет руку на плечо Елены, словно хочет защитить ее от жрицы.

– Ты принесла свое пророчество, – говорит она. – Теперь уходи.

– Ты не можешь приказывать мне, Леда, тебе это известно, – возражает жрица. Ее взгляд падает на пустую винную чашу на полу, и по лицу пробегает тень омерзения.

Леда напрягается.

– Во дворце тебе не рады. Возвращайся в свой храм. – Лицо матери искажает гнев, а рука тянется к украшенному камнями кинжалу, который она привязывает к талии, хоть и никогда им не пользуется.

Жрица ничуть не напугана. Она вздергивает подбородок и говорит:

– Это ты здесь чужая. Помни, что я была в постели твоего мужа задолго до того, как ты увлеклась тем чужеземцем...

Ее взгляд падает на Елену.

– Убирайся, – кричит Леда, теряя всякое самообладание. – Вон! Или я убью тебя собственными руками! Ты меня слышишь?

Жрица усмехается. Леда сжимает рукоять кинжала, но жрица не торопится, словно испытывая ее. Затем она уходит, ее босые ступни белы, как луна, длинный хитон шелестит по

полу.

Леда вскакивает с трона и устремляется за ней. Глаза налиты кровью.

– Мне всё равно, что твоя богиня гневается! Она не моя богиня и никогда ею не была! – кричит она.

Жрица исчезает за дверью, и Леда, задыхаясь, оборачивается. Елена и Клитемнестра всё еще стоят у трона, не смея пошевелиться.

– И вы обе уходите, – приказывает Леда. – Сейчас же.

– Ты всегда говорила, что гнев должно держать при себе. – В глазах Елены загорается протест.

– Мне плевать, что я говорила. *Уходите.*

Клитемнестра тянет сестру за руку. Когда она оборачивается, ее мать стоит на коленях, обхватив руками голову, точно та может расколоться в любую секунду.

За ужином Леда не появляется, и сестры не задают вопросов. Елена, погруженная в свои мысли, ест медленно, а Клитемнестра сидит, уставившись на мясо в своей тарелке, хотя ее мутит от этого зрелища.

Вечер выдался светлый и холодный. Залу освещают последние лучи зимнего солнца, а за окнами видны четкие очертания гор с присыпанными снегом вершинами. Тимандра провела день в гимнасии и теперь рассказывает Фебе и Филоное о состязаниях.

– Менелай такой неистовый, он чуть не разбил Ликомеду

голову! Без всякого оружия. Одними лишь кулаками! Я сама видела. – Между делом она закидывает в рот еду, ее лицо прямо светится от восхищения. – А Агамемнон дождался конца и вызвал самого сильного мужа. Я думаю, он хотел сначала посмотреть, как они сражаются, чтобы потом выбрать.

– Он не сильнее любого другого спартамца, но он умнее, – говорит Тиндарей. Он разрезает свинину у себя на тарелке на большие неровные куски, а затем втыкает нож в один из них.

– Почему, отец? – спрашивает Клитемнестра.

Тиндарей жует задумчиво, не торопясь.

– Он боится смерти, – отвечает он и отправляет в рот еще один кусок свинины.

– И как это делает человека умнее? Даже боги завидуют нам, потому что мы смертны, – говорит Елена. Тиндарей не удостоивает ее вниманием, и Елена, залившись краской, опускает глаза.

Клитемнестра через стол берет сестру за руку.

– Агамемнон не стал сражаться со своим двоюродным братом Эгисфом, когда у него была такая возможность, а ведь Эгисф убил его отца и захватил микенский трон. Он сбежал и укрылся здесь. Очень умно – гость в наших краях всегда священен.

Тиндарей кивает.

– Он терпелив. Немногие мужи обладают этим качеством.

Я уверен, однажды он отомстит.

Клитемнестру злят уважительные нотки в голосе отца, но она старается не придавать им значения.

– А Менелай? – спрашивает Елена.

На этот раз Тиндарей обращает на нее внимание.

– Менелай силен, но его затмевает брат. Скоро они станут героями и вернут себе свой трон.

Клитемнестра откидывается на спинку стула. Если Менелай живет в тени Агамемнона, то можно ли сказать, что сама она живет в тени Елены? О красоте сестры знают во всей Элладе, а о Клитемнестре никто и не слышал. Но в Спарте любят и уважают именно Клитемнестру. И когда у Тантала был шанс, он выбрал именно ее, а не Елену. «Твоя сестра хороша собой, это правда, – сказал он однажды. – Но она что-то обуздала в себе. В вас обеих горит огонь, но она заливает свой водой, а ты подбрасываешь дров. Вот что по-настоящему *красиво*».

Подняв взгляд, Клитемнестра замечает, что Елена глядит на нее в упор, в свете очага выражение ее лица меняется. В душу закрадывается чувство вины. Клитемнестра задумывается, может ли сестра читать ее мысли, потому что в этот самый момент Елена поднимается, скрипнув ножками стула о пол.

– Я устала, – говорит она. – Пойду отдыхать.

На следующее утро Клитемнестра решает посмотреть, как

состязаются Атриды. Воздух снаружи холодный, как прижатый к щеке бронзовый клинок, а голые деревья похожи на руки, тянущиеся к небу. Когда она приходит в гимнасий, Леда уже там, сидит в углу на стуле с высокой спинкой. Рядом с ней Тимандра полирует свое копьё, ее локти и колени выпачканы в грязи. Завидев сестру, она подскакивает.

– Смотри! – говорит она. – Сейчас они будут биться.

На площадке для состязаний Агамемнон и молодой спартанец ходят кругами. Они похожи на льва и волка: Агамемнон с длинными, волнистыми волосами, спадающими ему на плечи, и худощавый мальчишка с волосатым телом. Клитемнестра хорошо знает, что лев всегда сильнее волка: лев дерется один, а волку нужна его стая.

– Этот очень хитрый и ловкий, – говорит Тимандра, восторженно указывая на юнца. – Я видела, как он дерется.

– Когда сражаешься с животным намного сильнее тебя, одного ума недостаточно, – замечает Леда.

Спартанец ждет, когда Агамемнон пойдет прямо на него, и ходит кругами, чтобы поймать его, когда тот на секунду потеряет равновесие. У него узкое лицо и темные внимательные глаза. Агамемнон пытается схватить его, но мальчишка отпрыгивает вправо. Всего за секунду, быстрее, чем Клитемнестра успевает уловить его движение, Агамемнон валит спартанца на землю. Тот падает лицом вниз и издает какой-то придушенный звук. Он пытается ползти, но Агамемнон прыгает ему на спину. Он хватается мальчишку за шею, и

его гигантские, покрытые шрамами руки смыкаются на ней. Лицо спартанца погружается в песок, из носа хлещет кровь. Он извивается, отчаянно ловит ртом воздух, но захлебывается собственной кровью. Раздается треск ломающихся ребер, и Клитемнестра не может отделаться от мысли, что тела преступников разбиваются о скалы Апофет с таким же точно звуком. Она поворачивается к сестре, но Тимандра даже не вздрагивает. Она тоже хорошо знает этот звук.

На тренировочную площадку выбегает Леда. Ее ноги вязнут во влажном песке. Она хватает Агамемнона за руку, отталкивает назад и закрывает спартанского юнца собственным телом. На секунду Клитемнестре кажется, что Агамемнон ударит Леду, но он лишь удивленно смотрит на нее. Мальчишка издает низкий, полный боли стон. Он жив.

– Поднимайся, – приказывает Леда.

Агамемнон отряхивает красные песчинки с рук, вытирая их о хитон. Затем, не сказав Леде ни слова, направляется напрямиком к Клитемнестре. Он заходит под сень деревьев и на удивление учтиво берет ее за руку. Краем глаза она замечает, как Тимандра крепче стискивает в руках копье.

– Надеюсь, бой доставил вам удовольствие, моя царица, – говорит Агамемнон. Он впервые обращается к ней. Выражение его лица непроницаемо, как камень, а черты такие резкие, словно их вырезал неумелый скульптор.

– Ваша царица – Леда, – поправляет его Клитемнестра. Не обратив внимания на эти слова, он отпускает ее руку, и она

чувствует, как горит кожа в тех местах, где были его пальцы.

– Я слышал, вы хороши в бою, – говорит он. – Там, откуда я, женщины не тренируются, как мужи.

– Я им сочувствую, – отвечает Клитемнестра.

Он напрягает челюсть, но ничего не говорит. Его молчание раздражает. Клитемнестре не нравится, как он смотрит на нее, раздевая взглядом. Ей хочется ударить его или убежать, но она остается стоять, где стояла. Когда он наконец разворачивается и уходит, она спешит к матери на площадку. Тимандра бросает копье и бежит следом. Вместе они смотрят на переломанное тело спартанского мальчишки.

– Тимандра, – говорит Леда, – разыщи лекаря. И принеси опиум.

Сестра уносится прочь резво, как кошка. Леда бросает взгляд на Клитемнестру, а затем на портик, где несколько секунд назад стоял Агамемнон.

– Ты ему нравишься, – в конце концов произносит она. Ее зеленые глаза тусклы, как старинная медь.

– Разве он не видит, что я беременна?

Леда качает головой:

– Иные мужи хотят только то, чего не могут иметь.

Она возвращается во дворец в одиночестве. Воды Еврота окрасились в цвет серебра, а земля вокруг похожа на расплавленную бронзу. Она думает о перепалке Леды и жрицы в мегароне. Мать была права, но выглядело это позорно. Раз-

ве не она учила Клитемнестру, что всегда можно найти лучший способ обойтись со своими соперниками, лучший способ унизить их? Но унизила она только себя. Почему она не отослала жрицу прочь из дворца? Возможно, она пыталась, но Тиндарей не позволил. Эта мысль причиняет Клитемнестре боль, как острое лезвие, которым провели по горлу.

Начинается дождь. Она спешит по дорожке, ее сандалии перепачканы грязью. Добравшись до конюшен, она останавливается перевести дух и находит укрытие рядом с кобылицей и ее жеребенком. Она гладит их, слушая, как капли стучат по земле.

Вдруг слева доносится еще какой-то звук. Она прислушивается внимательнее, притаившись за охапками сена. Кто-то тихо плачет – теперь это слышно отчетливо. Она подбирается ближе и за большой кучей сена видит спину Агамемнона. Его туника, всё еще в пятнах крови того мальчишки, задрана до пояса, а руки лежат на бедрах какой-то молодой женщины. Девушка стонет и плачет, но лица ее Клитемнестре не видно. Вспомнив об илотке с синяками, она выходит из укрытия.

– Оставь ее, – говорит она, пытаясь перекрыть шум дождя.

Агамемнон резко оборачивается, его рука взлетает к кинжалу, болтающемуся на поясе. Девушка встает, даже не пытаясь прикрыть наготу, а увидев Клитемнестру, улыбается. Это Киниска.

– Чего тебе надо? – спрашивает она. Ее сильные ноги, точно змеи, опутывают шрамы. Груды маленькие, соски большие и коричневые. На одной груди большое родимое пятно, которого Клитемнестра никогда не замечала в гимнасии. Она поворачивается к Агамемнону, крепко сжимающему в руке кинжал. Он не похож на те, что используют спартанцы, скорее на ножи, которыми закалывают свиней.

– Убери это, – приказывает она.

Он не двигается.

– Вы помешали нам.

– Это мой дворец.

– А я ваш гость.

Киниска надевает свой хитон и набрасывает поверх него длинную накидку.

– Ступайте во дворец, мой господин, – говорит она. – Я скоро приду.

Он направляет на нее свой тяжелый взгляд, но при этом не кажется раздраженным. Не глядя на Клитемнестру, он уходит; его фигуру тут же проглатывают темнота и дождь. Киниска наклоняется, чтобы завязать сандалии.

– Нельзя постоянно иметь всё, что хочешь, – говорит она.

Клитемнестра хмурится:

– Ты правда считаешь, что я могла бы пожелать кого-то вроде него?

Киниска поднимает глаза и вдруг раздражается смехом.

– Ты думаешь, что он взял меня силой?

– Я не знала, что это ты.

– А если бы знала, то не стала бы вмешиваться?

Клитемнестра медлит с ответом.

– Забудь, – продолжает Киниска. – Теперь ты знаешь, что он ни к чему меня не принуждал. Кому угодно было бы за счастье оказаться с таким мужем, как он.

– Я так не думаю.

Киниска злорадно смеется.

– Это потому что ты не видишь силу, даже когда она у тебя перед носом.

Разобравшись с сандалиями, она окидывает Клитемнестру последним победоносным взглядом, словно только что одолела ее в состязании, и уходит.

Вымокнув насквозь и дрожа от холода, Клитемнестра наконец добирается до дворца. В коридорах стоит влажный, затхлый запах, факелы вот-вот догорят. Она спешит в гинецей и стучит в дверь комнаты, которую когда-то делила с Еленой. Дверь открывается сразу же. Елена в толстом шерстяном хитоне стоит, оперевшись о стену.

– Что случилось?

– Я могу сегодня поспать здесь? – спрашивает Клитемнестра.

– Конечно. – Елена одаривает ее слабой улыбкой. – Я всё равно мало сплю, когда я одна.

– Я тоже. – Клитемнестра садится на деревянный табурет

рядом с кроватью, Елена протягивает ей теплую шерстяную тунику.

– Киниска была с Агамемноном в конюшнях, – говорит Клитемнестра, как только ее зубы перестают стучать. – Он был в ней.

– Откуда ты знаешь?

– Я видела их. Только что.

Елена пожимает плечами:

– Жестокие люди всегда друг друга находят.

Клитемнестра оборачивает ноги хитоном и по очереди растирает каждый палец.

– С ним что-то не так, – говорит она.

– Да, – соглашается Елена.

– Мне не нравится, когда он рядом.

Елена чуть улыбается.

– Может, это потому, что он нагоняет на тебя страх? Тебя пугают только те люди, чьих побуждений ты не можешь понять.

Она садится на табурет и наливает себе разбавленного вина. На столе рядом с кувшином лежит золотое ожерелье в виде маленьких розочек. Клитемнестра никогда не видела ничего красивее.

– Откуда это у тебя?

Елена рассеянно глядит на ожерелье, ее золотые локоны рассыпаны по плечам. Они с Клитемнестрой теперь так отличаются друг от друга, что их едва ли можно принять за

сестер.

– Неважно, – говорит Елена.

Клитемнестра уже готова ввязаться в спор, но Елена оказывается быстрее.

– Как думаешь, что оно значит? – спрашивает она. – То пророчество.

Она поднимает голову, ее глаза горят так, как горят всегда, когда она жаждет получить от сестры ответ.

Клитемнестра задерживает дыхание. Ее лицо вдруг словно онемело.

– Не думаю, что оно вообще что-то значит.

Елена не сводит с сестры глаз:

– Ты в него не веришь?

– Когда мы вообще верили пророчествам?

Елена не отвечает. Ее лицо открыто, как в те дни, когда она была девочкой и еще не умела скрывать свои слабости. Она дотрагивается до ожерелья, проводит пальцами по каждому цветку. На мгновение Клитемнестре кажется, что разговор окончен, как вдруг Елена спрашивает:

– Ты знала о Тиндарее и Леде?

– Что ты имеешь в виду?

Елена поднимает глаза, в их голубизне таится какой-то холод, точно в замерзшей реке.

– Ты знаешь.

– Я не знала об отце, – отвечает Клитемнестра. Она видит, как меняется выражение сестры, как ожесточаются ее мяг-

кие черты. Она не может это остановить.

– Значит, ты знала о Леде? О том, что она была с другим женщиной?

Клитемнестра не двигается. Она чувствует, как у нее под кожей начинает пузыриться злость, а вместе с ней что-то еще, холодное и осклизлое. Страх.

– Ты знала и не рассказала мне, – повторяет Елена.

– Я знала только то, что открыл мне Кастор, но он и сам был не уверен.

– Так кто же мой отец? – спрашивает Елена, сжимая в кулаке ожерелье.

– Я не знаю. Я знаю только, что Леда влюбилась в чужеземца, который покинул дворец прежде, чем ты родилась.

Елена отворачивается, и Клитемнестра чувствует себя так, словно ей отвесили пощечину.

– Почему ты лгала мне?

– Я не лгала.

Елена качает головой. Пропасть между ними ширится, как водоворот, затягивающий в свою черноту.

– А Полидевк? – спрашивает Елена.

– А что Полидевк?

– Он знает об этом?

– Он всегда утверждает, что ничего не помнит, и прекращает разговор.

Елена смеется. Клитемнестра не узнает этот холодный смех.

– Потому что он меня любит.

– И я тебя люблю, – отвечает Клитемнестра.

Елена снова поворачивается к сестре. В ее глазах появилось что-то незнакомое.

– Нет, не любишь. Ты лгала мне. Теперь, пожалуйста, уходи.

Это хуже, чем получить пинок, хуже, чем удар ножом. Физическую боль можно пережить, теперь Клитемнестра это знает, но никто не учил ее, как обращаться с другой болью. Она спешно встает, выходит и притворяет за собой дверь. У нее кружится голова, пустота засасывает ее изнутри. Она подносит ладони к лицу и чувствует на щеках влагу. Это злит ее лишь сильнее. Она слышит, как по другую сторону двери сестра ударяет по табурету или, может, по столу. Она хочет вернуться, но понимает, что эту дверь ей больше не открыть.

8. Прекраснейшая из женщин

Когда Елене было четырнадцать, за ней в Спарту приехал герой Тесей. Молва о его подвигах ходила по Элладе уже несколько лет: сражения с разбойниками на опасных афинских дорогах, убийство царя на священной земле Элевсин. Тиндарей говорил, что нет большей чести, чем удостоиться внимания такого мужа.

– Но чего он хочет от меня? – спросила у Леды Елена. – Мне еще рано выходить замуж.

– Он хочет посмотреть на тебя, и всё.

– Он считает себя сыном бога, – фыркнул Полидевк. – И поэтому хочет себе божественную жену.

Елена нахмурилась.

– Но я не божественная, – сказала она, а затем повторила: – И мне еще рано замуж.

Тесей прибыл в Спарту в сопровождении своего друга Пирифоя, царевича лапифов, горного северного племени. Тесей был красив, как бог, даже красивее Полидевка, а вот у Пирифоя была густая борода и обожженная солнцем кожа. Они любили рассказывать о своих совместных приключениях: о том, как они подружились после того, как угнали стадо коров, обо всех девушках, которых они соблазнили. Они смеялись над этими воспоминаниями, и люди во дворце смеялись вместе с ними, словно те девушки были никчем-

ными дурочками. Клитемнестра поняла, что Тесей и вправду убежден в том, что абсолютно все женщины мечтают его ублажить. Что же до остального мира, то он либо вгонял героя в тоску, либо раздражал. И лишь Пирифой мог заставить его рассмеяться, а его глаза – блеснуть от восторга.

Однажды, когда они наблюдали как Тесей и Пирифой состязаются в гимнасии, Кастор сказал Клитемнестре и Елене: «Нельзя доверять мужчинам, которые находят отдушину лишь в обществе других мужчин. Они не уважают никого другого, особенно женщин».

Тесей наполнил залы их дворца дарами – среди них была та самая кровать из египетского эбена, – но так и не попросил ничьей руки. Вскоре все вообще забыли, зачем он прибыл во дворец. А затем в один из летних дней он заявил, что готов вернуться в Афины и сменить на троне своего отца.

В ночь перед отъездом, пока слуги спали, а Пирифой готовил коней, Тесей ворвался в комнату Елены, как ветер, и похитил ее без единого звука. Рано утром Клитемнестра проснулась в пустой египетской кровати. Она закричала и бросилась к отцу. Ее сердце колотилось так быстро, что это причиняло ей боль. Кастор и Полидевк поспешили наружу, скликав всех слуг, пока не нашли илота, который видел, как Тесей поскакал на восток.

– Они увозят Елену в маленький город Афидны, ваша милость, – сказал илот, когда его приволокли в мегарон. Клитемнестра не знала, где находились Афидны и что это вооб-

ще значит. Полидевк ударил кулаком по расписной стене и опрометью бросился из комнаты. Кастор с Клитемнестрой побежали за ним. У конюшен Кастор остановил ее.

– Жди здесь, – сказал он.

Она не послушалась и взяла лошадь, тогда Полидевк крикнул: «*Ты слышала своего брата? Жди здесь!*» Они стеганули коней и исчезли в облаке пыли.

Вынужденная ждать, без всяких вестей о сестре, которой она дорожила больше всех в мире, Клитемнестра укрылась в храме Артемиды. Там, рядом с родником у подножия горы, она села меж двух деревянных колонн и принялась молиться. Молитва давалась ей не очень хорошо, потому что у нее не хватало терпения. Она быстро сдалась и пошла бродить вокруг стен землисто-кирпичного цвета, пока не наткнулась на Тиндарея, разговаривающего со жрицей.

– Я не понимаю, зачем твои сыновья отправились за ней, Тиндарей, – говорила жрица. – Возлечь с Тесеем – честь для любой девушки. Елена созрела для замужества, и она еще девственна. – В волосах жрицы были цветы, а угловатое тело облегало длинное тонкое платье.

– Я хочу, чтобы Елена вернулась назад, – сказал Тиндарей. Затем, почувствовав, что за ним наблюдают, он обернулся и увидел Клитемнестру. Он тут же оставил жрицу и подошел к дочери. – Давай вместе помолимся о возвращении твоей сестры.

С наступлением ночи ее братья вернулись. Елена, согнув-

шись, сидела на лошади Полидевка, ее голова покоилась на спине брата, руки были покрыты царапинами. Клитемнестра всё еще была в храме вместе с отцом, когда заметила их приближение, – никогда прежде она не молилась так истово. Она вскочила с места и понеслась им навстречу.

Двое слуг отвели Елену в гинецей, а Кастор и Полидевк остались поговорить с Ледой и Тиндареем.

– Когда мы добрались туда, Тесея там уже не было, – сказал Кастор. – Но мы ее отыскиали. Двое крестьян сказали нам, где ее спрятали.

– Что он с ней сотворил? – спросила Леда.

– Ей нужно отдохнуть. Я попрошу женщин с кухни принести в ее комнату гусиный жир.

Леда закрыла лицо руками. Клитемнестра тогда не знала, что гусиный жир, смешанный с измельченными травами, помогал женщинам снять боль после того, как они ложились с мужчиной.

– Мы вернемся туда завтра, – сказал Полидевк. – Теперь Елена в безопасности. Я возьму десять наших лучших мужей, и мы опустошим Афинды. – Его глаза полыхали диким, безумным огнем.

Тиндарей потряс головой:

– Тесей теперь царь Афин. Афины сильны, мы не можем пойти на них войной. Не по такому поводу.

Не по такому поводу. От ярости Клитемнестра хотела рвать на себе волосы, но Полидевк ее опередил.

– Этот человек овладел твоей дочерью просто забавы ради! Он даже не просил ее руки!

– Ей же лучше, – вмешался Кастор. – Что-то мне подсказывает, что она не пошла бы за него замуж.

Тиндарей взмахнул рукой.

– Тесей – герой, он делает то, что делают герои. Вы знаете, сколько таких, как Елена? Вы думаете, их братья устраивали из-за этого войны? Нет. Если они не дураки.

На том всё и кончилось.

Когда Клитемнестра вошла в их комнату, ей в нос ударил спертый, обжигающий воздух, но она не подала виду. Это она была виновата в том, что Елену похитили: если бы она проснулась, если бы заметила Тесея...

Клитемнестра присела на кровать. Решив, что Елена спит, она прилегла рядом в темноте и укрыла сестру покрывалом.

– Они бросили кости, – вдруг сказала Елена так тихо, что Клитемнестра едва расслышала. – Они бросили кости, и Тесей выиграл. Взял меня сам.

Клитемнестра не проронила ни слова. Она перевернулась на бок и обхватила сестру рукой. Она бодрилась всю ночь, стараясь не заснуть. Когда забрезжил рассвет, она не выдержала и провалилась в сон, по-прежнему обнимая сестру онемевшей рукой.

На следующий день после ссоры с Еленой Клитемнестра не находит себе места. Шагами меряет комнату, хочет закры-

чать или разбить что-нибудь. Но, похоже, всё, что она может, это ходить; ее беспокойные ноги ступают туда-сюда, туда-сюда. В голове гудит, мысли путаются. Она брызгает на лицо холодной водой и выходит из комнаты. Отправляется на поиски сестры.

Когда она проходит мимо занятых делами слуг и потных мальчишек, возвращающихся с тренировки, ее мысли устремляются в другом направлении. Может быть, Елена уже вовсе не злится на нее. Может быть, она поняла, что Клитемнестра не виновата. Может, она поговорила с матерью, и та объяснила ей, почему скрывала, кто ее отец. Все эти возможности, как обломки корабля, кое-как помогают удержаться на плаву в штормовом море.

Под деревьями, что окружают тренировочную площадку, у ног лекаря сидит раненый мальчик. Лекарь оmyвает его висок: кожа вспухла, из-под нее, как скала в море, выступает темная, жесткая шишка. Рядом с ними Елена перетирает травы, сосредоточенно сдвинув брови.

Заметив сестру, она останавливается, но не уходит.

– Елена, – произносит Клитемнестра, не в силах подобрать других слов.

Сестра качает головой. Она смотрит на Клитемнестру, но как будто не видит. Ее глаза пусты. Клитемнестра чувствует себя отвергнутой и морщится. Елена никогда, ни разу в жизни на нее так не смотрела. Обычно Елена наблюдает за ней пристально, как охотник наблюдает за деревьями, чтобы

уловить малейшее шевеление.

– Мы можем... – начинает она, но Елена ее обрывает.

– Ты должна была сказать мне правду, – отстраненно говорит она.

Она права, и Клитемнестре нечего возразить. Она подумывает сказать, что сделала так, чтобы защитить ее, но это прозвучит глупо.

Клитемнестра чувствует, как счастье утекает из нее, будто вода, что льется на землю, когда женщины на реке выжимают белье. Она отворачивается от Елены и идет прочь.

Проходят дни. Наступает зима, становится ветрено, холодает. Воды Еврота замерзли, дети играют на льду. Дни темны, деревья голы.

Клитемнестра никогда еще не чувствовала себя такой одинокой. Она томится по своему мужу. Он уже наверняка добрался до Меонии и теперь сидит на своем золоченом троне, объявив о женитьбе и появлении наследника. Клитемнестра представляет лица окружающих его людей, их реакцию. Представляет переливающиеся одежды и украшения, богатые ткани и ароматные масла. Она думает о руках Тантала на своей шее, представляет, как он касается ее живота, и внутри нее всё сжимается от тоски.

Ее единственная отдушина – это Тимандра. Теперь она часто бывает с ней в мегароне – они сидят подле Тиндарея, пока простолюдины обращаются к нему со своими прошениями.

ями. Тимандра слушает, учится и часто шепчет что-то Клитемнестре в ухо, жаждая высказать свои мысли и предложения.

– Ты еще мала, – говорит Клитемнестра.

– Я всего на три года младше тебя, – напоминает Тимандра. Хотя ее тело по-прежнему худенькое, как у ребенка, лицо выглядит взрослым, более зрелым. Глаза у нее темные, как безлунная ночь, а волосы – как кора лещины.

– Пока просто слушай, – указывает Клитемнестра.

– Но ты ведь никогда не подчиняешься, когда тебе велят помолчать! – восклицает Тимандра. Клитемнестра смеется, и даже Тиндарей улыбается, позабавленный замечанием дочери.

Близится вечер, они выслушивают обращения людей уже несколько часов. Огонь в очаге густо дымит, в зале становится слишком жарко.

В этот момент входит Менелай, один. В лучах заходящего солнца его рыжие волосы вспыхивают, подобно пламени. Он оставляет свой бронзовый меч на полу в знак почтения и подходит к трону. Клитемнестра закусывает губу. Ей не по себе от его любезности, от того как он кланяется Тиндарею. Менелай напоминает ей Тесея, когда тот только прибыл в Спарту, – красивого и жестокого, высокомерного, но почти-тельного.

– Я не ждал тебя, Менелай, – мягко говорит Тиндарей. – Я полагал, ты будешь в гимнасии.

Менелай улыбается. У него золотисто-карие глаза, такие же, как у Агамемнона, но глядит он не так сурово.

– Я пришел просить твоей помощи.

– А твой брат? – спрашивает Тиндарей.

– Он скоро к нам присоединится. У меня две просьбы, и одну из них мне лучше бы озвучить самому.

Тиндарей кивает и подзывает слугу:

– Принеси нам воды и еды, – приказывает он, а затем обращается к Менелаю. – Я выслушаю ваши просьбы, сыновья Атрея, но вначале давайте поедим. День был долгий.

Слуга испаряется, чтобы вскоре вернуться в зал, неся в одной руке серебряный таз для омовения рук, а в другой – блюдо с мясом и сыром. Тимандра, всё это время стоявшая на ногах, беспокойно перебирая волосы, тихонько усаживается на стул рядом с Клитемнестрой.

Тиндарей хватает сочный кусок мяса и спрашивает:

– Ну, Менелай, скажи мне, чего ты хочешь?

– Твою дочь, – без раздумий отвечает Менелай.

Тимандра ахает, а Клитемнестра тут же кладет руку себе на живот. Тиндарей, не прекращая жевать, бросает на нее взгляд и обращается к Менелаю:

– Какую дочь?

Менелай хмурит брови. Глядит на Клитемнестру и Тимандру так, будто только что заметил их присутствие. Затем, словно утверждая очевидное, отвечает: «Елену».

– Понимаю. – Тиндарей выплевывает кость на тарелку.

– Я слышал, что она готова для замужества, и я сделаю ее царицей Микен, а ты знаешь, что это один из богатейших городов.

– Понимаю, – повторяет Тиндарей. Он дотрагивается до виска, как будто хочет унять головную боль. На тыльной стороне его руки виднеется сморщенный шрам, оставшийся с юных лет, когда он сражался с волками в лесу.

– Что ты ответишь, Тиндарей? – спрашивает Менелай.

– В Спарте женщины почти всегда сами выбирают себе мужей, – замечает Тиндарей.

Менелая ошеломляют его слова, но он быстро берет себя в руки.

– Я слышал об этом, но я не думаю, что здесь возникнут проблемы.

– Она ни за что тебя не выберет, – не сдержавшись, выпаливает Клитемнестра.

Менелай задерживает на ней взгляд. Тимандра наклоняется к сестре, словно хочет прошептать что-то на ухо, но Клитемнестра жестом останавливает ее. Хочется послушать, что скажут мужи.

– Даже если бы Елена захотела тебя в мужа, – говорит Тиндарей, – о ее красоте знают повсюду в наших краях. Многие женихи по всей Элладе ждут того дня, когда она будет готова выйти замуж.

– Тогда призови их всех, – отвечает Менелай. – И пусть Елена выбирает.

Повисает тишина. Его слова эхом отзываются у Клитемнестры в затылке. Вот он, уверенный в собственном превосходстве над всеми, уверенный в том, что сможет заполучить Елену. Ей хочется рассмеяться. Тимандра снова тянется к ней, но Клитемнестра сжимает руку сестры, напоминая, чтобы знала свое место.

– Я сделаю так, – говорит Тиндарей. – Разошлю весть, что Елена созрела для замужества, и приглашу всех женихов в Спарту. Но даже в этом случае тебе нечего будет предложить: у тебя ни земель, ни богатств. Когда вы только прибыли сюда, то сказали, что у вас есть план, как вернуть себе Микены. Вы гостите у меня несколько месяцев, но Микены всё еще не ваши.

– Ты прав, – говорит Менелай. – И это подводит меня ко второй просьбе.

Прежде чем он успевает сказать что-то еще, в зал входит Агамемнон. Он глядит на меч, который сложил его брат, но оставляет свой клинок висеть на поясе. Клитемнестра понимает, что он подслушивал. Когда Агамемнон занимает место рядом с Менелаем, она через силу заставляет себя поднять взгляд и посмотреть ему прямо в глаза. Он словно бы не замечает ее присутствия.

– Ах, Агамемнон, – устало говорит Тиндарей. – Угощайся.

Из тени снова появляется слуга и подносит Агамемнону блюдо с мясом. Он берет кость, которую только что бросил туда Тиндарей, откладывает ее в сторону и проглатывает ку-

сок сыра.

– Пришло время вернуть Микены, – говорит он. – Мы не можем больше ждать.

– Я согласен, – отвечает Тиндарей. – Это нужно сделать прежде, чем люди привыкнут к новому царю.

– Фиест не царь, – замечает Менелай, но Агамемнон одним взглядом заставляет брата замолчать.

– Ты был щедрым гостеприимцем, Тиндарей, – говорит Агамемнон, – и нам трудно просить тебя еще об одной услуге, но я уверяю, что мы оплатим тебе десятикратно.

Тиндарей выжидающе вскидывает брови. Агамемнон молчит, и тогда Тиндарей замечает:

– Я не могу дать тебе свою армию.

Агамемнон качает головой, на лице его играет холодная улыбка.

– Всё, что нам нужно, это твое благословение и десять твоих лучших мужей.

Даже Клитемнестра вынуждена признать, что этот план хитроумен. Агамемнон выберет десять воинов – самых быстрых и ловких, – вместе с Атридами они отправятся к Микенам, спрячут лошадей подальше от акрополя и взберутся по городским стенам. Как объяснил Менелай, вход в Микены – Львиные ворота – невозможно преодолеть не подняв тревоги, но оказавшись внутри городских стен, они пробегут по узким улочкам в нижней части города, где живет про-

стой люд. Они убьют стражников, которые спрячутся в переулках, затем заберутся в верхнюю часть акрополя, ко дворцу. Клитемнестра замечает, что люди могут поднять тревогу, но Агамемнон с ней не согласен.

– Народ ненавидит Фиеста, – отвечает он. – Они будут верны нам.

– А если нет? – спрашивает Тиндарей.

– Мы убьем их прежде, чем они побегут.

Клитемнестра обдумывает его слова. Ее поражает, что для Атридов все жизни имеют равную ценность. В Спарте она росла, зная, что равенство – удел природы и что некоторые мужчины и женщины – *гомеи*, равные, в то время как другие – нет. Ей было тяжело смотреть, как спартанцы убивали илотов за самые малые проступки или, например, если кто-то из них просто прошел мимо, но она сносила это, думая, что такое единственно возможный ход вещей. Но Агамемнон и Менелай говорят об убийстве, невзирая ни на статус человека, ни на его происхождение. Ничья жизнь для них не имеет значения, кроме их собственной.

Клитемнестра идет по запутанным дворцовым коридорам, сложив руки на животе. Ее ноги гудят. *Они уедут*, говорит она себе и ребенку. *Уедут и большие никогда не вернуться*. На ее лице появляется полуулыбка. Она чувствует рукой мягкий изгиб: скоро он будет замечен даже под хитоном. И чем больше растет ее малыш, тем ближе она к Танталу.

Томясь жаждой, она входит в трапезную. Внутри никого, не считая Тимандры, которая сидит, закинув ноги на стол, и поедает хлеб с соленой рыбой.

– Если Леда увидит тебя в таком виде, прикажет высечь, – говорит Клитемнестра.

Тимандра проглатывает большой кусок рыбы и вытаскивает из зубов кость.

– Сомневаюсь, – отвечает она. – К тому же она сама так делает, когда остается здесь одна.

Клитемнестра берет чашу и наливает себе разведенного вина.

– Теперь-то я могу тебе сказать? – спрашивает Тимандра.

– Что именно?

– Я пыталась сказать тебе в мегароне, но ты мне не позволила.

– Тогда важно было послушать, что скажет Менелай.

– Да, – отвечает Тимандра. – Но я видела кое-что. – Она берет смокву и вгрызается в нее, обнажая зубами темную мякоть. Прodelывая это, она бросает на Клитемнестру взгляд, намекая, что ей нравится хранить секрет, который другие жаждут узнать.

– Что ты видела? – спрашивает Клитемнестра.

– Елену с Менелаем.

Клитемнестра захлебывается вином. Тимандра хохочет, но, заметив выражение лица сестры, быстро замолкает.

– Они были вместе у садов, за пределами дворца, – гово-

рит она.

– Ты слышала, о чем они говорили?

– Менелай сказал, что как только он вернет Микены, он подарит ей дорогую пурпурную ткань, кажется, откуда-то с Крита.

Клитемнестра продолжает стоять, несмотря на то, что всё ее тело внезапно охватывает ломота.

– И что сказала Елена?

Тимандра пожимает плечами:

– Я не помню. Было холодно, я спешила, мне нужно было встретиться кое с кем. – Клитемнестра видит, что Тимандра разочарована тем, что она не расспрашивает – с кем именно. Она собирается уйти, когда Тимандра добавляет: – Я говорю это потому, что Менелай может оказаться прав. Елена и вправду может выбрать его.

Клитемнестра кивает, хоть и не может осознать сказанных слов и не верит ни в одно из них.

Ей нужно поговорить с сестрой.

После того, как ею овладел Тесей, Елена еще долго просыпалась среди ночи с криками. Прежде чем осознать, что она в безопасности, лежит в постели рядом с сестрой, она несколько секунд извивалась и билась, будто ее пытали. Клитемнестра никогда не покидала ее, она держала сестру за запястье, чувствуя, как колотится ее сердце, и гладила по щекам.

– Он снова приходил, – повторяла Елена, а Клитемнестра видела, что в этот миг ее разум всё еще находился где-то далеко, был заперт во сне. – Я отбиваюсь, но он всегда находит способ меня одолеть.

Чтобы унять горечь, Клитемнестра предавалась мечтам о том, как бы она одолела Тесея. Он был так красив, так любим богами, и что же в итоге? Герои, подобные ему, полны алчности и жестокости, только и делают, что присваивают себе самое прекрасное, пока мир вокруг не лишится всех своих красот.

– Завтра случится что-то плохое, – говорила Елена, когда ее разум снова возвращался в спальню. – Так всегда бывает, когда он мне снится.

А Клитемнестра в ответ качала головой: «Сны это сны. Они не станут реальностью, пока ты не дашь им силу для этого». После этого Елена снова засыпала.

Но однажды ночью сон оказался настолько правдоподобным, что Елена вскочила и убежала из дворца. Клитемнестра босиком побежала за ней. Влажная трава перепачкала ее ступни, в скорбном небе застенчиво светила бледная луна. Елена мчалась через равнину, пока, задыхаясь и всхлипывая, не добежала до храма Артемиды. Там, у источника, льющего свои воды как поток слез, она села на землю и обняла колени. Клитемнестра, глядя на нее, вспомнила слова жрицы: «Возлечь с Тесеем – честь для любой девушки». Всё это ложь.

– Что случилось? Тебя кто-то обидел?

Клитемнестра обернулась и увидела Полидевка: в его глазах стоял страх, а рука сжимала копьё. Должно быть, он услышал, как они выбежали из дворца.

– Это всё Тесей, – сказала она. – Он является ей во снах.

Облегченно вздохнув, Полидевк опустил копьё.

– Не надо плакать, Елена. Тесея больше нет, – он никогда и ни с кем не говорил таким терпеливым тоном.

– Мне всё еще больно, – прошептала Елена, и Клитемнестра поняла, что она говорит не о воспоминаниях и не о сне. Она до сих пор чувствовала боль всем телом.

Полидевк опустился рядом с ней на колени.

– Я понимаю...

– Нет, Полидевк, – огрызнулась Елена, в ее сверкающих глазах вспыхнули искры ярости. – Не понимаешь. Как ты можешь это понять? *Ты же мужчина.*

Елена не говорила о своей боли, но Клитемнестра всё понимала. Иногда она ощущала ту боль в собственном теле, печаль сестры изматывала ее. Их сердца словно бились вместе, словно за много лет, проведенных рядом, научились держать единый ритм.

Полидевк стиснул кулаки, а затем прижал их к лицу, будто пытаясь прогнать мысль о страданиях Елены из своей головы. Клитемнестра опустилась рядом с ним на землю, они переглянулись и протянули руки к сестре. Тонкая и нежная кожа Елены на ощупь напоминала крылья бабочки. Она по-

вернула к ним заплаканное лицо.

– Елена, – сказала Клитемнестра, – теперь ты в безопасности, потому что мы с тобой.

И мы любим тебя. Произносить эти слова не было нужды. Она знала, что сестра и так их слышит.

Клитемнестра знает, где искать Елену. Она идет к храму Артемиды, ее сестра и вправду там – стоит рядом с источником у подножия горы, закрыв глаза. Она молится? Заслышав шаги Клитемнестры, Елена оборачивается. У нее на шее сияет золотое ожерелье, которое было в комнате: каждый цветок ярко поблескивает на ее жемчужно-белой коже.

– Кто дал тебе это ожерелье? – спрашивает Клитемнестра. Рядом со своей ослепительной сестрой она чувствует себя уродиной с остриженными волосами и раздувшимся животом. Она помнит, что девочкой чувствовала то же самое. Прибывший из Аргоса воин сказал тогда Тиндарею, что Елена – самая прекрасная девочка в их краях. «Волосы как мед, – сказал он. – Лебединая шея. Царь, что на ней женится, прослывет любимцем богов». О Клитемнестре он не сказал ничего.

Елена не отвечает на вопрос. Лишь смотрит на Клитемнестру с вызовом.

– Это был Менелай, так ведь? – спрашивает Клитемнестра.

– Если и так, что с того?

– Он нехороший человек, Елена.

– Ты ничего о нем не знаешь.

– А ты знаешь?

Елена пожимает плечами. Прохладный ветер приносит капли воды из родника и обрызгивает их.

– Отец разошлет весть о том, что ты готова выйти замуж, – говорит Клитемнестра, стараясь, чтобы ее голос не дрожал. – Мужичи со всей Эллады скоро придут просить твоей руки, и ты сама сможешь выбрать себе супруга.

– Он не мой отец, – отвечает Елена.

– Но он был тебе им. Ты выросла здесь, в этом дворце, вместе с братьями и сестрами.

Елена дергает головой, словно пытаешься отогнать досужую муху.

– Ты не понимаешь, – говорит она. – Я могу сама принимать решения. Я больше не желаю жить в твоей тени.

Лицо у Клитемнестры начинает покалывать.

– Как ты можешь так говорить, когда именно ты всегда была самой красивой, даже когда мы были детьми? – Теперь в ее голосе звучит обида, и она не пытается ее скрыть. – На праздниках спартанцы поют песни о твоей красоте. Все думают, что ты дочь Зевса, только из-за того, что ты красива.

– А мне плевать на красоту! – кричит Елена. – Какой в ней толк? Ты знаешь, до чего меня довела моя красота. Ты же помнишь Тесея?

– Тогда на что тебе не плевать? – спрашивает Клитемне-

стра.

Голос Елены становится всё тише, а слова – резче. Больше.

– Ты всегда была в центре внимания. «Елена красива, но Клитемнестра такая умная, такая очаровательная, сильная, мудрая» и еще столько всего... Это *тебя* Тиндарей всегда любил больше всех, это *тебя* уважают спартанцы. За что ни возьмешься, во всем преуспеваешь. Что ни придумаешь, всего добиваешься. – Зависть, в которой Клитемнестра никогда не могла заподозрить сестру, мгновенно искажает ее безупречные черты. – И вот она я, рядом с тобой: красивая, слабая, глупая сестра, которая не может сказать ничего стоящего. На меня интересно только смотреть.

Мучительное осознание пригвождает Клитемнестру к земле. Она старается, чтобы ее голос звучал так же тихо, был таким же бесцветным, как серое небо над их головами:

– Ты видишь лишь то, что хочешь видеть. Ты не понимаешь, каково мне.

Елена закатывает глаза.

– И каково же тебе?

Она гадает, что заденет Елену сильнее. Что-то подсказывает ей, что ни крики, ни мольбы не сработают.

– Это не важно, – говорит Клитемнестра. – Тебя волнуют лишь твои собственные страдания. – Она смахивает со щеки капельку воды. – Поступай с Менелаем как знаешь. Если хочешь украшений и дорогих нарядов, выходи за него. – Она

видит оцепенение на лице сестры, но не останавливается. – Только не обманывай себя. Он любит тебя не за то, какая ты на самом деле. Он из тех, кому на тебя интересно только смотреть.

Клитемнестра стискивает кулаки и уходит прочь. Изморозь похрустывает под ногами, а небо взирает на нее без всякого сожаления.

На следующий день Агамемнон и Менелай покидают Спарту. Для своего похода они в числе прочих выбрали Лисимаха и отца Киниски. Киниска приходит к воротам попрощаться. Обнимает отца и целует Агамемнону руку, но он на нее даже не смотрит. Он не сводит глаз с Клитемнестры, мрачно сверлит ее взглядом. Елена стоит рядом с матерью, ее волосы заплетены в косу и уложены вокруг головы, точно золотой венец. Ожерелье она не сняла, холодные мелкие цветы так и покоятся у нее на ключицах.

За каменными воротами – жрица, рядом с ней на еще нетвердых ногах стоит козленок. Когда воины готовы пуститься в путь, Тиндарей передает жрице золотую чашу. Она берет привязанный к накидке бронзовый кинжал и перерезает животному горло. Его тело дергается, кровь брызжет и льется в чашу. Клитемнестра видит, как по накидке жрицы расплзается алое пятно.

Жрица обращается к воинам. В своей торжественности она выглядит угрожающе, как будто становится выше ро-

стом.

– Можете отправляться, – говорит она. – Через пять дней, прежде чем опустится ночь, Микены станут вашими.

Менелай взбирается на коня, вслед за ним – другие мужи. Мечи и топоры сверкают и позвякивают у них на поясах.

Агамемнон оборачивается к Тиндарею:

– Благодарю за твое гостеприимство, царь Спарты. Вскоре мы пришлем из Микен золото.

Не говоря больше ни слова, он уносится прочь, его брат и воины следуют за ним. Их поглощает тьма, и слышно лишь, как копыта стучат по замерзшей земле.

Они собираются в трапезной, у всех замерзли руки на ветру. Нет ни знати, ни воинов – присутствует лишь семья Клитемнестры, и слуги расставляют на столе миски с яблоками, грушами, сыром и орехами. В зале прохладно, илот разводит небольшой огонь, и пламя тут же отбрасывает тени на развешанное по стенам оружие.

– Этим утром я разослал гонцов в самые великие города по всей Элладе, – говорит Тиндарей. – В Спарту пригласили всех царей и царевичей, готовых свататься к Елене. – Он произносит имя Елены так, будто ее нет в комнате. Феба смотрит на сестру, огорченную таким отношением отца.

– Спасибо, отец, – говорит Елена, не глядя на него. В ее голосе звучит издевка, но она недостаточно явная для того, чтобы Тиндарей ее заметил.

– Даже с Крита придут воины, – говорит Леда. Она на секунду прерывается, когда Феба восторженно шепчет: «С Крита!», а затем продолжает: – Для нас будет честью принимать их здесь.

Клитемнестра поневоле вспоминает, как жрица сочла честью для любой девушки возлечь с Тесеем.

– Вы знаете, кто придёт? – спрашивает Тимандра.

– Аякс, двоюродный брат великого Ахилла, – отвечает Тиндарей. – Ему всего тридцать лет, и он ищет жену.

– Он ведь грубиян, – говорит Клитемнестра. – Ты сам однажды сказал.

Елена поднимает глаза, и их взгляды встречаются. Она помнит, как они хохотали, когда их мать впервые описала Аякса, и как они потом провели всю ночь, изображая его. Воспоминание жжет ее изнутри.

– Он был в обучении у Хирона, а его отец – великий герой Теламон, – говорит Леда. Елена опускает глаза и принимается разглядывать сыр у себя в тарелке. – Хоть он и был грубияном, когда его повстречал ваш отец, я уверена, что он это перерос и может стать хорошим женихом.

– Если он был в обучении у Хирона, – говорит Елена, – надо полагать, он знаком с целительским искусством.

– Так и есть, – отвечает Леда, а затем, повернувшись к Тимандре, добавляет: – Может приехать аргосский царь Диомед и даже лучник Филоктет.

Феба радостно хихикает. С каждым днем она становится

всё красивее. Хоть она и не так сильна в состязаниях и борьбе, как Тимандра и Филоноя, но она одаренная лучница.

– Раз уж прибудет так много мужей, – говорит она, – может быть, кто-то из них женится на мне.

Тиндарей неодобрительно вскидывает бровь.

– У тебя еще достаточно времени, чтобы принимать ухаживания и выбирать, Феба, – говорит он. – А вот Тимандра уже может задуматься.

– Мне противно думать о замужестве, – утомленно отвечает Тимандра. – Иногда мне так жалко, что я не мальчик.

Тиндарей хохочет. Феба бросает на сестру злой взгляд, ей кажется, что та хотела ее поддеть.

– Так вот почему ты тогда возилась с девчонкой? – спрашивает она.

Тимандра стискивает кулаки и заливается краской. Клитемнестра вспоминает ее слова: *«Было холодно, и я спешила, мне нужно было встретиться кое с кем»*.

– О чем ты? – нахмурившись, спрашивает Леда. – Что за девчонка?

Тимандра так сильно пинает Фебу под столом, что глухой стук удара оказывается слышен всем.

Феба вызывающе вздергивает подбородок.

– Я видела ее с девчонкой из гимназия, они вечно борются в паре. Они были у сада.

Тимандра втыкает нож в древесину стола. Теперь все взгляды обращены на нее.

– И чем они занимались? – спрашивает Тиндарей, уставившись на Тимандру.

– Они стояли рядом, – отвечает Феба. – Разговаривали и...

– А что *ты* там делала, Феба? – вмешивается Клитемнестра. – Тебе не стыдно подглядывать за сестрой?

Феба опускает увлажнившиеся от стыда глаза. Кажется, что Тимандра тоже вот-вот расплачется, но глаза ее остаются сухими. Спартанские девочки никогда не плачут, тем более по такому поводу.

Прежде чем ее муж успеваает сказать хоть слово, Леда заявляет:

– Ужин окончен. Вы все – прочь.

Тимандра вскакивает, роняя стул, и выбегает из залы, а мать кричит ей вслед:

– И веди себя подобающе! Ты уже женщина и должна следить за своими манерами, а не вытворять, что вздумается!

Через десять дней во дворец прибывает гонец. Его сразу же ведут в мегарон, где его встречают Тиндарей, Леда и Клитемнестра. Хитон гонца истрепан и пропитан потом и грязью.

– Мой царь, – говорит он, задыхаясь. – Я привез вести из Микен. – У него срывается голос, должно быть, он скакал весь путь без остановки.

– Дайте ему утолить жажду, – приказывает Тиндарей.

Вестник одаривает его благодарным взглядом, и когда слуга приносит ему чашу разведенного вина, выпивает ее до дна.

Тиндарей подается вперед.

– Говори.

– Город вернулся в руки Атридов. Владыка Фиест казнен. Его сын Эгисф бежал.

Клитемнестра наблюдает за отцом, но лицо Тиндарея остается непроницаемым.

– Очень хорошо, – отвечает он и оборачивается к слугам, покорно ждущим у двери. – Отведите этого человека в купальню, вымойте и дайте теплый хитон.

– Благодарю, – кланяясь, отвечает гонец.

Когда его уводят, Тиндарей вальяжно откидывается на спинку стула.

– Я знал, что они вернут себе Микены.

– Ты говорил это.

– Они превосходные воины.

Леда поворачивается к Клитемнестре, а затем снова к мужу.

– Ты знаешь, что в этом наши мнения не совпадают.

Клитемнестра чувствует, как толкается ребенок, и подносит руку к животу, чтобы его успокоить. *Всё кончено*, говорит она себе. *Ты больше никогда их не увидишь*. Но чем дольше она повторяет эти слова, тем сильнее ей кажется, что это не так.

9. Огненновласый и многоумный

Вдоль извивающегося Еврота скачет одинокая женщина. Двое спартанских стражей наблюдают за ее приближением из дворца, не отрывая взгляда от лица, скрытого вуалью, и развевающейся на ветру накидки. Всадница минует желтоватые участки выжженной травы, твердую землю, окружающую поля, и каменистую местность у подножия дворца. Там, недалеко от ворот, ее поджидает Клитемнестра. Женщина замечает ее и спускается с серого коня. Она подходит к Клитемнестре медленными, уверенными шагами. Наконец она снимает вуаль, открывая переливчатые коричневые волосы и темные, умные глаза.

– С возвращением, Пенелопа.

Пенелопа улыбается и глядит на округлившийся живот двоюродной сестры.

– Дядя Тиндарей тебя послал? Он знал о моем приезде.

– Я сама пришла, – отвечает Клитемнестра, протягивая руку. – Пойдем, ты, наверное, утомилась.

Она ведет Пенелопу в гинецей помыться и отдохнуть перед ужином. Темными коридорами, пустынными в это время дня, они добираются до купален. Слуги уже приготовили для них две глиняные ванны. Обе начинают раздеваться, свет факелов поглаживает их тела: одно темное и наливше-

еся, другое – бледное и мягкое. Пенелопа роняет накидку и хитон на холодный пол и протягивает руку к животу Клитемнестры. Ребенок внутри пинается, и по коже пробегают волны.

– Совсем немного осталось, – говорит Пенелопа.

– Пара месяцев.

Пенелопа переводит взгляд на себя, словно пытается увидеть какие-то изменения. Но ее кожа по-прежнему светлая, изгибы тела мягкие. Она пробует температуру воды кончиками пальцев.

– Кто-нибудь из царей уже прибыл? – спрашивает она.

Клитемнестра вдруг вспоминает, как Елена всегда отшатывалась от холодной воды.

– Нет. Большинство из них придут завтра.

– Ты знаешь, зачем Икарий послал меня сюда?

– Чтобы ты нашла мужа, надо полагать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.